

9(C)17

C-325 73

2/17
325

2022
А. Серебрянниковъ

А
По выписке

КОКАНСКІЙ ПОХОДЪ

1875-1876 г.г.

I.

КЪ ИСТОРИИ КОКАНСКАГО ПОХОДА.

Завоеваніе Коканскаго ханства и присоединеніе его къ Россійской Имперіи подъ именемъ Ферганской области является однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ наступательномъ движеніи русскихъ въ Средней Азій, такъ какъ съ присоединеніемъ и умиротвореніемъ Кокана Россія покончила съ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и безпокойныхъ своихъ азіатскихъ сосѣдей и достигла во многихъ мѣстахъ естественныхъ границъ, каковыми можно считать первоклассные хребты, отдѣляющіе русскія владѣнія отъ Китая на юго-востокъ и Индіи на югъ.

Несмотря на то, что со времени окончанія военныхъ дѣйствій противъ коканцевъ прошло уже болѣе 20-ти лѣтъ, коканскій походъ не напелъ еще до сихъ поръ историка и свѣдѣнія о дѣйствіяхъ доблестныхъ войскъ при завоеваніи Кокана, которыми по справедливости можетъ гордиться наша армія, ограничиваются лишь статьями, напечатанными въ отдѣлѣ «Русское военное обозрѣніе», №№ 1, 2, 3 и 8 журнала «Военный Сборникъ», за 1876 годъ. Въ этихъ статьяхъ изложенъ только ходъ событій въ хронологическомъ порядкѣ съ открытія военныхъ дѣйствій до образованія Ферганской области, причемъ многіе факты упомянуты вскользь. Не говоря уже о томъ, что военныя дѣйствія противъ коканцевъ по своей поучительности заслуживаютъ подробнаго и обстоятельнаго изученія, въ указанныхъ выше статьяхъ совсѣмъ даже не затрогиваются событія, происшедшія *послѣ образованія Ферганской области*, а между тѣмъ въ этотъ періодъ было нѣсколько блестящихъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ, безспорно, дѣло въ Янги-арыкскомъ ущельи 25-го апрѣля 1876 года, въ которомъ незабвенной памяти Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ послѣдній

разъ лично предводительствовалъ туркестанскими войсками, въ рядахъ которыхъ онъ началъ свою славную боевую службу. Задавшись дѣлю нѣсколько восполнить этотъ пробѣлъ въ военно-исторической литературѣ, считаю необходимымъ оговориться, что «начинаю свой трудъ съ конца», такъ какъ о послѣднемъ періодѣ похода совсѣмъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ литературѣ, а въ тѣхъ архивахъ, которыми я пользовался, сохранились, главнымъ образомъ, документы, касающіеся именно этого періода, тогда какъ документы, касающіеся первоначальныхъ, главныхъ дѣйствій, или совершенно въ нихъ отсутствуютъ, или имѣются далеко не всѣ, почему ими не представляется возможнымъ пользоваться въ настоящее время, безъ пособія другихъ архивовъ, находящихся внѣ Маргелана.

Дѣйствія нашихъ войскъ противъ коканцевъ распадаются на слѣдующіе четыре періода: 1-й періодъ — отъ начала военныхъ дѣйствій до занятія Кокана; 2-й періодъ — дѣйствія войскъ Наманганскаго отряда; 3-й періодъ — зимняя экспедиція съ 25-го декабря 1875 года до образованія Ферганской области, и 4-й періодъ — отъ образованія Ферганской области до Алайскаго похода. Къ изложенію событій этого послѣдняго періода коканскаго похода я и приступаю.

Очеркъ дѣйствій нашихъ войскъ отъ образованія Ферганской области до Алайскаго похода.

Причины волненій среди каракиргизскаго населенія Ферганы ¹⁾. — Дѣло при Кара-Бія. — Пораженіе двухъ небольшихъ партій нашихъ джигитовъ. — Дѣло въ Янги-арыкскомъ ущельи. — Разбитіе паекъ мятежниковъ на урочищѣ Бель-Вашъ-Атъ и въ ущельи Джу-сале. — Дѣло на урочищѣ Нау-Джайлау.

Во время правленія бывшимъ коканскимъ ханствомъ самозванца Пулатъ-хана многочисленное каракиргизское населеніе приобрѣло относительно осѣдлаго сартовскаго первенствующее значеніе. Большая часть приближенныхъ Пулатъ-хана были каракиргизы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ центрахъ, гдѣ зимою рядомъ съ сартами живутъ каракиргизы, почти всѣ общественныя должности были переданы послѣднимъ. Такимъ образомъ, съ господствомъ

¹⁾ Донесеніе генерала Скобелева командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа отъ 20-го мая 1876 года за № 775.

Пулатъ-хана были связаны по преимуществу интересы каракиргизовъ, которые, въ лицѣ своихъ представителей, болѣе чѣмъ какое либо другое племя ханства, чувствовали себя сопричастными злодѣйствамъ, ознаменовавшимъ кратковременное правленіе названнаго хана.

Когда успѣхи нашего оружія въ зимнюю экспедицію принудили населеніе ханства къ изъявленію безусловной покорности, то, наряду съ вполне открытымъ и невозбуждавшимъ сомнѣній поведеніемъ кипчаковъ и осѣдлыхъ сартовъ, вопросъ о подчиненіи каракиргизовъ представлялся довольно продолжительное время невыясненнымъ. Были весьма вѣскія обстоятельства, по которымъ можно было ожидать, что скомпрометированнымъ сообщникамъ Пулатъ-хана удастся поднять каракиргизовъ на открытую борьбу съ нами.

Въ продолженіи всей коканской войны 1875 — 1876 гг. каракиргизы ни разу не попадали подъ наши удары. Они были въ составѣ непріятельской конницы въ дѣлахъ 2-го декабря подъ Ульчибаемъ, 18-го января подъ Ассаке и 27-го января подъ Учъ-Курганомъ, но избѣгли при этомъ значительныхъ потерь.

Собственно же бѣдствія войны, разразившіяся надъ кипчакскимъ и частью сартовскимъ населеніемъ, и столь вразумительно склонившія ихъ къ миролюбію, совсѣмъ миновали населеніе каракиргизское. Этотъ фактъ былъ истолкованъ каракиргизами со свойственнымъ среднеазиатцамъ легковѣріемъ въ благопріятномъ для борьбы съ русскими смыслѣ. Къ тому же каракиргизы имѣли преувеличенное понятіе о неприступности своихъ кочевковъ, которыя, находясь въ ущельяхъ и долинахъ первокласснаго хребта, окаймляющаго долину Ферганы съ востока и юга, представляли настолько солидное естественное препятствіе, что даже при слабыхъ оборонительныхъ средствахъ каракиргизовъ они были долгое время въ совершенной безопасности отъ ханскихъ войскъ. По этой причинѣ власть хана не распространялась на пограничныя горы и лежащій за ними Алай, а условное подчиненіе каракиргизовъ этой власти вызывалось лишь ихъ зависимостью отъ необходимыхъ для ихъ же существованія базаровъ въ сартовскихъ населенныхъ центрахъ. Каракиргизы, не провѣривъ еще на себѣ, какъ выше сказано, нашего военнаго могущества, рассчитывали, что труднодоступныя горы и Алай, въ виду наступленія весны, дадутъ имъ надежное убѣжище отъ нашего преслѣдованія.

Въ виду такого настроенія, нѣкоторое промедленіе въ концѣ

февраля 1876 года въ заявленіи покорности каракиргизскими родами, кочующими около Оша и Учъ-Кургана, въ связи съ происками Абдулла-Бека и матери его вдовы Аламъ-бека, Мамаджанъ, Омаръ-бека, Сулейманъ-Кула, а также Абдуль-Гафаръ-Бека и Вали-Ханъ-Тюри, сильно озабочивало администрацію вновь сформированной Ферганской области. Своевременное занятіе Оша отрядомъ, отправленнымъ изъ Маргелана, подъ начальствомъ полковника барона Аминова, сдержало опшскихъ каракиргизовъ. Абдулла-Бекъ съ небольшимъ числомъ своихъ сообщниковъ бѣжалъ по направленію къ Алаю и Кашгару, а Вали-Ханъ-Тюря—отъ Учъ-Кургана къ Малому Алаю.

Прибывшій 22-го марта въ г. Ошъ, военный губернаторъ Ферганской области и командующій въ ней войсками, свиты Его Величества генераль-майоръ Скобелевъ, лично внушилъ собравшимся для его встрѣчи біямъ мысль о бесполезности сопротивленія русскимъ, и это обстоятельство, въ связи съ введеніемъ нашей администраціи и ранней порой года, не позволявшей большей части родовъ, зимовавшихъ подъ Ошемъ и Араваномъ, откочевать въ малопрístupную мѣстность, обезпечило намъ спокойствіе бѣльшей части каракиргизскаго населенія этой полосы бывшаго ханства, но тѣмъ не менѣе неблагоприятное для насъ настроеніе каракиргизовъ выразилось появленіемъ шаекъ мятежниковъ первоначально на югѣ Маргеланскаго уѣзда, а затѣмъ и въ другихъ пунктахъ Ферганской области.

24-го марта 1876 г. казіи Гадиль-Шейхъ и аминъ Атабекъ изъ Чиміона донесли начальнику города Кокана, что въ кшпакѣ Вадиль, Чиміонскаго уѣзда, появились восемь человекъ киргизовъ Сохскаго округа, которые провозгласили ханомъ какого-то юродиваго (дивана) Худай-Куль-Хана, собираются въ кшпаклахъ Лянгаръ и сильно беспокоятъ жителей кшпака Хазретъ-Шахиморданъ, требуя отъ нихъ равными угрозами клевера и ячменя.) Нѣсколько дней передъ тѣмъ эти же киргизы зарѣзали двухъ божомольцевъ изъ туземцевъ.

Получивъ такое донесеніе, начальникъ города Кокана, полковникъ Корольковъ, немедленно сообщилъ ¹⁾ объ этомъ командующему войсками области и просилъ командировать въ вышеупомянутую мѣстность казачью сотню для арестованія бунтовщиковъ и доставленія ихъ въ Коканъ. Въсѣтъ съ этимъ были отправлены и

¹⁾ Отъ 24-го марта 1876 года № 3.

Отступленіе съ этой позиціи было возможно въ двухъ направленіяхъ: къ сѣверу черезъ ущелье на дорогу изъ Соха въ Коканъ, внизъ по рѣкѣ Сохъ, и къ югу, вдоль по уступу, и затѣмъ къ кшплаку Малмутъ. Въ тылу къ позиціи прилегали горы съ крутыми трудно доступными склонами.

Отрядъ, имѣя во главѣ 42-хъ казаковъ 1-й Сибирской сотни, въ карьеръ вынесся къ непріятельской позиціи, но топкая мѣстность и обрывъ не допустили казаковъ броситься въ атаку.

Осмотрѣвшись на позиціи и замѣтивъ, что нѣсколько человекъ изъ шайки, выѣхавшихъ изъ курганчи, пустились бѣжать по Коканской дорогѣ, сотникъ Десятовъ отдѣлилъ 20 казаковъ и направилъ ихъ на дорогу ко входу въ ущелье и тѣмъ прекратить всѣ попытки мятежниковъ бѣжать въ этомъ направленіи; остальнымъ 22-мъ казакамъ приказано было спѣшиться, сбатовать коней и открыть огонь по непріятелю, который густой толпой (около 800 человекъ) занималъ курганчу и часть уступа горы. Коннымъ стрѣлкамъ, прискакавшимъ вслѣдъ за казаками во главѣ съ ихъ начальникомъ, штабсъ-капитаномъ Киркинымъ, тоже приказано было спѣшиться, разсыпать цѣпь и открыть огонь.

Послѣ незначительной перестрѣлки, во время которой непріятель отвѣчалъ на наши выстрѣлы огнемъ изъ фальконетовъ и ружей, значительная часть шайки медленно отступила по дорогѣ на Малмутъ, тогда какъ другая продолжала стоять на прежней позиціи. Въ это время стрѣлки бросились черезъ болотистый ручей на обрывъ, а спѣшенные казаки, сѣвъ на лошадей, кинулись вправо наперерѣзъ отступающему непріятелю.

Сотникъ Десятовъ, а за нимъ и его казаки, быстро въѣхали на обрывъ по небольшой лоцинѣ и бросились въ пашки на стоящую передъ ними густую толпу, которая скоро дрогнула и стремительно бросилась бѣжать. Вызвавъ по сигналу 20 казаковъ, бывшихъ у входа въ ущелье, сотникъ Десятовъ преслѣдовалъ бѣгущихъ.

Стрѣлки въ это время вошли цѣпью на обрывъ влѣво отъ казаковъ и выстрѣлами и штыками заставили бѣжать часть шайки, упорно защищавшую центръ позиціи. Въ этой сторонѣ первыми вошли на обрывъ штабсъ-капитанъ Киркинъ съ пятью стрѣлками.

Состоявшіе при отрядѣ поручикъ Ивашкевичъ, подпоручики Ивановскій и Егарминъ и прапорщикъ Купленниковъ, который

захватили два фальконета, врачъ статскій совѣтникъ Шалыгинъ и прапорщикъ Шатиловъ взошли на обрывъ вмѣстѣ съ стрѣлками.

Измученные 12-ти часовымъ, почти непрерывнымъ походомъ, лошади отряда съ трудомъ поспѣвали за свѣжими лошадьми мятежниковъ. Добѣжавъ до кишлака Малмута, мятежники, потерявшіе къ этому времени убитыми, ранеными и разбѣжавшимися болѣе $\frac{3}{4}$ числа всей шайки, остановились за стѣнами и открыли огонь.

Приказавъ подтянуться казакамъ и нѣсколькимъ стрѣлкамъ, принимавшимъ участіе въ преслѣдованіи этой части шайки, начальникъ отряда двинулъ ихъ въ атаку и мятежники снова бросились бѣжать въ разныя стороны, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми.

Самъ Худай-Куль-Ханъ съ немногими изъ своихъ приверженцевъ бѣжалъ по ущелью влѣво отъ кишлака Малмута, преслѣдуемый казаками на протяженіи 8—9 верстъ. Въ виду сильнаго утомленія людей и лошадей, бывшихъ не въ силахъ догнать бѣжавшихъ, приказано было остановить преслѣдованіе и вернуться къ кишлаку.

Стрѣлки въ это время преслѣдовали другія части шайки, бѣжавшія влѣво и вправо отъ главной массы непріятеля.

По свидѣтельству начальника отряда генеральнаго штаба полковника Королькова, въ этой стычкѣ наиболѣе отличились сотникъ Десятовъ и штабсъ-капитанъ Киркинъ, а всѣ прочіе офицеры и нижніе чины, а также переводчикъ Хамаледдинъ и джигитъ Юлдашъ, взявшій съ боя бунчукъ, вели себя все время молодецки. Наша потеря заключалась только въ двухъ раненыхъ лошадяхъ. Непритель же потерялъ убитыми и ранеными до 100 человѣкъ. Трофеями были: 3 бунчука, два фальконета и много оружія.

Хотя послѣ дѣла при Кара-Кія шайка Худай-Куль-Хана и разсѣялась, но броженіе умовъ не прекратилось, чему немало способствовали пораженія, испытанныя приблизительно въ то же самое время въ горахъ двумя небольшими партіями нашихъ джигитовъ ¹⁾.

Одна изъ этихъ партій, подъ начальствомъ Бекджана и Турсунъ-Кула, въ числѣ 50 джигитовъ, была послана изъ Маргелана 29-го марта по направленію на переваль Терекъ-Даванъ, куда, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, бѣжалъ въ это время Абдулла-Бекъ.

¹⁾ Донесеніе генерала Скобелева командующему войсками Туркестанскаго округа отъ 20-го мая 1876 г. № 775.

сообщившіе свѣдѣнія казій и аминъ, а также три джигита, которые должны были быть проводниками и указать мѣсто нахождения бунтовщиковъ.

По приказанію командующаго войсками Ферганской области, немедленно былъ высланъ отрядъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Королькова, въ составъ котораго вошли 25 конныхъ стрѣлковъ 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 1-я Сибирская казачья сотня и одно орудіе подвижнаго артилерійскаго взвода.

Отрядъ благополучно достигъ ночью 25-го марта до кишлака Ухна (Луханъ), гдѣ остановился на отдыхъ. Послѣ отдыха въ кишлакѣ отрядъ двинулся по дорогѣ на г. Сохъ въ ночь съ 25-го на 26-е марта ¹⁾.

Путь до самага Соха пролегалъ по безводной долинкѣ, окаймленной съ сѣвера и юга грядями горъ средней высоты. До перевала Амитинъ-Бель дорога все время поднималась въ гору.

Незадолго до разсвѣта, отрядъ остановился на приваль и въ это же время былъ высланъ въ ущелье влѣво отъ дороги развѣздъ изъ 20-ти казаковъ, подъ начальствомъ прапорщика Купленникова, для захвата изъ сосѣдняго аула жителей и опроса ихъ съ цѣлью повѣрки показаній проводника относительно движенія шайки. Изъ этихъ показаній жителей выяснилось, что шайка за 20 часовъ передъ тѣмъ прошла мимо кочевыхъ аула и направилась на Сохъ.

Въ шесть часовъ утра отрядъ поднялся и продолжалъ движеніе на Сохъ, причемъ сдѣлано было распоряженіе о захватѣ всѣхъ встрѣчающихся конныхъ людей, чтобы никто не предупредилъ шайку Диваны о движеніи нашего отряда. На 23-й верстѣ начался подъемъ на переваль, весьма трудный для движенія артилеріи. Пришлось спѣшить часть конныхъ стрѣлковъ, которые и помогали движенію орудія, въ особенности же заряднаго ящика, какъ при подъемѣ на переваль, такъ и при спускѣ съ него.

На самомъ перевалѣ джигиты захватили киргиза Тахта-Магомета, ѣхавшаго навстрѣчу отряду и заявившаго, что онъ ѣдетъ изъ шайки Худай-Куль-Хана съ тѣмъ, чтобы провести отрядъ къ мѣсту расположенія его близъ урочища Каракія. Этому киргизу была выдана награда въ размѣрѣ 25-ти рублей, такъ какъ онъ дѣйствительно провель отрядъ къ мѣсту расположенія шайки.

¹⁾ Донесеніе полковника Королькова отъ 27-го марта.

Въ 9¹/₄ часовъ утра отрядъ спустился съ перевала и продолжалъ двигаться далѣе, выславъ взводъ подъ начальствомъ сотника Десятова вправо отъ дороги на урочище Айдыръ-Хана въ ауль, въ который въ то время только что прибыли изъ шайки Диваны за фуражемъ бій Бустанскаго рода Хайдаръ и братъ Ширъ-Али (бывшій есаулъ-баши при Пулатъ) Кураванъ-Али. Киргизъ, бѣжавшій изъ шайки Диваны и доставившій отряду эти свѣдѣнія, провель сотника Десятова въ ауль, гдѣ упомянутыя люди были арестованы и доставлены въ отрядъ.

По прибытіи въ 12¹/₄ часовъ дня на урочище Шурукъ и имѣя въ виду, что прямая дорога въ Кара-Кія, отдѣляющаяся здѣсь отъ Сохской, непроходима для артилеріи, и что при движеніи всего отряда черезъ Сохъ на Кара-Кія достиженіе цѣли становится весьма маловѣроятнымъ, отрядъ былъ раздѣленъ, причемъ орудіе, подъ прикрытіемъ 30 стрѣлковъ и 20 казаковъ, было направлено на Сохъ, а остальные 25 стрѣлковъ и 42 казака двинулись по прямой дорогѣ черезъ Шурукскій перевалъ и Шурукское ущелье на Кара-Кія. Гдѣ только позволяла мѣстность, движеніе этой послѣдней части отряда было произведено крупной рысью.

Пройдя такимъ образомъ около 9 верстъ, увидѣли впереди на вершинѣ горы непріятельскій пикетъ, который, замѣтивъ приближеніе отряда, сталъ быстро спускаться на встрѣчу ему, изъ чего было сдѣлано предположеніе, оказавшееся потомъ совершенно справедливымъ, что шайка Диваны занимаетъ позицію впереди горы, подошва которой была закрыта отъ отряда небольшими возвышенностями, находящимися за глубокимъ оврагомъ, въ который спускалась дорога, по которой двигался отрядъ.

Передъ спускомъ въ оврагъ отрядъ приостановился на нѣсколько секундъ, подтянулся и затѣмъ, спустившись, выскакалъ въ карьеръ на поляну, съ которой открылось расположеніе непріятеля.

Позиція, избранная Худай-Куль-Ханомъ на уступѣ горы, представлялась весьма сильной въ оборонительномъ отношеніи; съ фронта она прикрывалась ручьемъ съ тощими берегами и трудно доступнымъ обрывомъ, который, за лѣвымъ флангомъ непріятельскаго расположенія, постепенно возвышался; на правомъ флангѣ позицію замыкала курганча, окруженная стѣнами сажень 25 длиною и примыкавшая съ сѣверной стороны къ утесу, совершенно недоступному.

Бекджанъ двинулся изъ Оша черезъ Гульчу по большой караванной дорогѣ на перевалъ Терекъ-Даванъ. Въ Суфи-Курганѣ онъ захватилъ брата Абдулла-Бека, отъ котораго узналъ, что Абдулла-Бекъ находится на урочищѣ Дарбазъ.

Джигиты наши двинулись далѣе и на урочищѣ Дарбазъ дѣйствительно наткнулись на завалъ, изъ-за котораго Абдулла-Бекъ съ нѣсколькими сообщниками встрѣтилъ ихъ огнемъ. Но, не удержась на завалѣ, мятежники скоро обратились въ бѣгство, наши джигиты преслѣдовали ихъ и на половинѣ Терекъ-Даванскаго перевала настигли хвостъ бѣглецовъ и шестерыхъ изъ нихъ захватили.

Отправивъ плѣнныхъ подъ конвоемъ 15-ти джигитовъ на худшихъ лошадяхъ назадъ въ Суфи-Курганъ, Бекджанъ на слѣдующій день перевалилъ съ прочими джигитами черезъ хребетъ въ Кашгарскіе предѣлы на рѣку Кокъ-Су, гдѣ захватилъ стада Абдулла-Бека. Узнавъ, что самъ Абдулла-Бекъ былъ здѣсь недавно и перешелъ на Кизыль-су, Бекджанъ пустился со своими джигитами по его слѣдамъ. Во время этихъ розысковъ онъ встрѣтилъ кашгарскаго Юзь-баши Бахтайяра и объяснилъ ему цѣль своего движенія.

Юзь-баши послалъ донесеніе Бадаuletу и затѣмъ двое сутокъ, вмѣстѣ съ Бекджаномъ, розысывалъ Абдулла-Бека, но такъ какъ слѣдъ его былъ потерянъ, то Бекджанъ вернулся на Кокъ-Су, а Юзь-баши обѣщалъ продолжать розыски, и, въ случаѣ поимки Абдулла-Бека, прислать его въ г. Ошъ. Съ Кокъ-Су Бекджанъ отправилъ обратно за Терекъ-Даванъ скотъ Абдулла-Бека съ пятью джигитами, а черезъ день двинулся туда и самъ съ оставшимися при немъ 30-ю джигитами.

Часовъ въ 6 вечера, джигиты только что прошли въ Дарбазъ разобранную при первомъ движеніи барикаду, какъ были встрѣчены огнемъ съ высотъ, ограничивавшихъ дорогу, а дальнѣйшій ихъ путь былъ прегражденъ новымъ заваломъ. При движеніи къ завалу Бекджанъ и четверо джигитовъ были убиты. Турсун-Куль ошеломленъ ударомъ камня въ голову и вслѣдъ затѣмъ всѣ оставшіеся 25 джигитовъ были захвачены въ плѣнъ. Попались они каракиргизамъ родоу сартляръ и кукча, бывшимъ подъ предводительствомъ Сулеймадъ-Хальны и муллы Куата. Отдѣлившіеся отъ партіи Бекджана 20 джигитовъ были захвачены киргизами этихъ же родовъ еще раньше.

Плѣнныхъ джигитовъ каракиргизы роздали по ауламъ; десять

человѣкъ изъ нихъ были зарѣзаны, большинство остальныхъ, въ томъ числѣ Турсунъ-Куль, впоследствии вернулись, а нѣкоторые пропали безъ вѣсти.

Вслѣдъ за захватомъ партіи Бекджана каракиргизы стали собирать шайку на урочищѣ Беляули (Белавли). Нѣсколько ранѣе погибъ въ горахъ близъ Учъ-Кургана Сарымсакъ-Ходжа, посланный съ 30-ю джигитами для поимки Вали-Ханъ-Тюря.

Изъ Учъ-Кургана Сарымсакъ прошелъ черезъ Исфайрамскій переваль въ Малый Алай, гдѣ захватилъ въ одномъ каракиргизскомъ аулѣ Вали-Ханъ-Тюрю и каракиргизскаго мятежнаго бѣя Тени-Куль-Берды.

На обратномъ пути въ 30-ти верстахъ предъ Учъ-Курганомъ Сарымсакъ былъ внезапно атакованъ партіей, высланной съ Алая Абдулла-Беккомъ, съ цѣлью отбить захваченныхъ. Потерявъ нѣсколько джигитовъ убитыми, Сарымсакъ съ остальными попался въ плѣнъ и былъ дня черезъ два зарѣзанъ. Изъ плѣнныхъ же вернулись только двое.

Первое извѣстіе, въ видѣ слуха, объ участи обѣихъ партій нашихъ джигитовъ было получено во время вторичнаго пребыванія въ г. Ошѣ генерала Скобелева въ концѣ марта, одновременно съ извѣстіемъ, что въ урочищѣ Гульча, въ 65—70 верстахъ отъ Оша, собралась шайка бродягъ, подъ предводительствомъ разбойника Худойяръ-Халыны, вскорѣ пойманнаго и казненнаго.

Эти обстоятельства побудили генерала Скобелева, несмотря на весьма неблагоприятное время, двинуться въ 11 часовъ вечера, 31-го марта, въ Гульчу съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3-й и 4-й Оренбургскихъ и 1-й Семирѣченской сотень, за которыми слѣдовала стрѣлковая рота 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Несмотря на крайнее напряженіе войскъ, переходъ въ Гульчу, по мѣстности незнакомой и представлявшей большія затрудненія, не могъ быть совершенъ очень быстро и до прихода нашей кавалеріи въ Гульчу 1-го апрѣля, къ вечеру, нецритель усилъ бѣжать. Снѣгъ въ горахъ и дождь въ долинахъ, чередовавшіеся съ бурянами, а также недостаточное обезпеченіе нашего отряда продовольствіемъ и фуражомъ, которыхъ добывать на мѣстѣ было невозможно, дѣлали дальнѣйшее преслѣдованіе ничтожной шайки безцѣльнымъ, вслѣдствіе чего генераль Скобелевъ рѣшилъ вернуться въ г. Ошъ, оставивъ для занятія Гульчи стрѣлковую роту 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 4-ю Оренбургскую

казачью сотню, и указавъ мѣсто для постройки полеваго укрѣпленія, въ которое изъ Андижана были высланы два Коканскихъ орудія.

Урочище Гульча—возвышенная долина рѣки Гульчи, ограниченная второстепенными горами. Гульча, а также ближайшія долины, являются мѣстами зимовокъ каракиргизовъ, уходящихъ лѣтомъ на Алай. Она представляетъ узелъ дорогъ всей горной полосы Ошскаго уѣзда. Отъ нея идутъ двѣ дороги—въ г. Ошъ, дорога—въ Узгенъ и дорога—на Суфи-Курганъ, расходящаяся далѣе на Терекъ-Даванъ въ Кашгаръ и на большой Алай. Такимъ образомъ, помимо своего важнаго экономическаго значенія, Гульча была пунктомъ, фактическое обладаніе которымъ, запирая выходы изъ горъ, ставило кочующихъ въ горахъ каракиргизовъ въ прямую отъ насъ зависимость.

Полезность занятія Гульчи вскорѣ выказалась тѣмъ, что, встревоженные предшествовавшимъ смутнымъ положеніемъ дѣль, каракиргизскіе роды, въ числѣ 600 кибитокъ, стали прикочевывать изъ горныхъ ущелій подъ защиту нашего отряда, вожаки же мятежа увидѣли себя вынужденными къ рѣшительному образу дѣйствій. Абдулла-Бекъ, Омаръ-Бекъ, Сулейманъ-Удайчи, Таны-Куль, Пансатъ (все каракиргизы) и Вали-Ханъ-Тюря (сартъ), собравъ большую шайку изъ родовъ сартляръ, ульджаке, кукча и изъ бродягъ разнаго происхожденія, заняли позицію въ ущельи Янги-арыкъ, въ 25-ти верстахъ отъ Гульчи, съ цѣлью запереть путь въ Гульчу для ауловъ, нежелающихъ примкнуть къ мятежному движенію.

Караванное сообщеніе по Терекъ-Даванскому пути прекратилось и, конечно, нужно было ожидать, въ случаѣ продолженія ненормальнаго положенія дѣль, что мятежники попытаются атаковать нашъ небольшой Гульчинскій отрядъ и тѣмъ раскрыть себѣ поле дѣйствій.

На основаніи этихъ извѣстій, было двинуть, по приказанію генерала Скобелева, изъ Кокана конно-стрѣлковый дивизионъ, подъ начальствомъ есаула барона Штакельберга, и взводъ ракетной батареи, подъ начальствомъ сотника Янушева, а 18-го числа пріѣхалъ въ Маргеланъ самъ генераль Скобелевъ. Придя, на основаніи многихъ данныхъ, къ тому убѣжденію, что непокорность каракиргизовъ обуславливалась надеждой ихъ, въ случаѣ неудачи, найти безопасное убѣжище на Алаѣ, генераль Скобелевъ счелъ необходимымъ для окончательнаго рѣшенія кара-

киргизскаго вопроса пройти съ отрядомъ въ Алай, такъ какъ результаты, которыхъ можно было достигнуть при этомъ, въ смыслѣ умиротворенія каракиргизовъ, должны были, безъ сомнѣнія, превышать результаты самыхъ удачныхъ военныхъ дѣйствій противъ шайки въ горахъ. Шайка же эта при нашемъ появленіи на Алаѣ и при занятіи нашимъ отрядомъ Гульчи не имѣла бы никакой цѣли держаться на своей позиціи, принуждена была бы разойтись и, такимъ образомъ, непріятель былъ бы вполне подчиненъ нашей инициативѣ.

Но въ это время генераль Скобелевъ не располагалъ достаточными средствами, чтобы снарядить отрядъ сообразно условіямъ мѣстности, въ которой ему пришлось бы дѣйствовать, и кромѣ того предпріятіе это потребовало бы значительнаго времени. Поэтому, откладывая мысль о движеніи на Алаѣ до рѣшенія этого вопроса туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, генераль-адъютантомъ фонъ-Клауфманомъ I, генераль Скобелевъ поставилъ себѣ ближайшей цѣлью разбить непріятеля, явившагося въ Ферганской области, и очистить караванный путь въ Кашгаръ, связавъ съ этой цѣлью утвержденіе нашей власти среди каракиргизовъ, насколько позволяютъ обстоятельства.

20-го апрѣля генераль Скобелевъ прибылъ въ гор. Ошъ, а 22-го числа были двинуты въ Гульчу въ два перехода конно-стрѣлковый дивизионъ, ракетный взводъ и вьючныя лошади, необходимыя для движенія отряда въ горы.

23-го апрѣля въ Гульчу прибылъ самъ генераль Скобелевъ. Въ виду того, что по собраннымъ свѣдѣніямъ на мѣстности, занятой непріятелемъ, нельзя было развернуть значительныхъ силъ, а съ увеличеніемъ отряда увеличился бы и вьючный обозъ, такъ какъ въ горахъ нельзя было рассчитывать ни на продовольствіе, ни на фуражъ, командующій войсками рѣшилъ предпринять движеніе противъ непріятеля съ самымъ ограниченнымъ числомъ войскъ.

Въ составъ отряда, назначеннаго выступить изъ Гульчи, вошли: стрѣлковая рота 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона (120 чел.), рабочая команда, подъ начальствомъ Туркестанской саперной роты поручика Борисова (30 чел.), конно-стрѣлковый дивизионъ (113 стрѣлковъ и 16 казаковъ), ракетный взводъ (23 чел.) и 4-я оренбургская казачья сотня (75 чел.). Отъ 4-й оренбургской сотни 55 казаковъ были назначены коноводами въ конно-стрѣлковый дивизионъ, а команда изъ 10-ти казаковъ 3-й оренбургской

сотни составила конвой генерала Скобелева. Сухарей, крупы, чаю и сахару была взята четырехъ-дневная пропорція.

По недостатку въ Гульчѣ ячменя, на всѣхъ строевыхъ лошадяхъ была взята четырехъ-дневная пропорція корма, полагая на каждую лошадь въ день 4 фунта ячменя, 3 фунта сухарей и по 2 фунта муки. Конно-стрѣлковый дивизионъ имѣлъ кромѣ того по 12 фунтовъ рубленаго клеверу на каждую лошадь. Кромѣ того, было взято достаточное количество подстилочной кошмы и десятичные котлы для варки пищи.

Для поднятія всѣхъ тяжестей отряда потребовалось 78 вьючныхъ лошадей съ соотвѣствующимъ числомъ лаучей (проводниковъ). Лошади оплачивались по одному рублю въ сутки каждая. Обязанности отряднаго врача принялъ на себя находившійся по дѣламъ службы въ гор. Ошѣ, помощникъ военно-медицинскаго инспектора, статскій совѣтникъ Шалыгинъ.

Съ этимъ отрядомъ генераль Скобелевъ выступилъ 24-го апрѣля изъ урочища Гульча по дорогѣ къ перевалу Терекъ-Даванъ.

Дорога шла ущельемъ рѣки Гульчи до Суфи-Кургана на протяженіи около 40 верстъ, гдѣ она раздѣлялась на двѣ части: одна—по ущелью рѣки Терекъ, стекающей съ перевала того же названія, а другая—ущельемъ рѣки Гульчи на Большой Алаѣ. Въ 25-ти верстахъ отъ Гульчи дорога входитъ въ узкое ущелье, стѣсненное неприступными склонами, и въ этомъ ущельи за мостомъ переходитъ съ лѣваго берега рѣки на правый. Ущелье заканчивается площадкой, на которую выходитъ узкое ущелье Беляули (Белявли).

По свѣдѣніямъ, непріятель занималъ входъ въ ущелье и самое ущелье, гдѣ испортилъ дорогу, устроивъ заваль, но моста не разрушилъ.

Такъ какъ, по увѣреніямъ нѣсколькихъ лазутчиковъ, тактичeskій обходъ позиціи былъ невозможенъ, то генераль Скобелевъ и обратилъ особенное вниманіе на дальній обходный путь, каковымъ была тропинка, отходящая въ восьми верстахъ отъ Гульчи съ урочища Тамга-Терекъ по рѣкѣ Будаилькъ къ сѣверу, и выводившая черезъ перевалъ Сасыкъ-Бель къ урочищу Тарганлыкъ, въ четырехъ верстахъ не доходя до Суфи-Кургана. Тропинка эта выходила и на ущелье Беляули и потому по ущелью возможно было движеніе въ тылъ непріятельской позиціи.

24-го числа, пройдя урочище Тамга-Терекъ, отрядъ остановился бивакомъ на площадкѣ на берегу рѣки Гульчи. Для достиженія возможнѣйшихъ результатовъ въ предстоявшемъ на

слѣдующій день дѣлѣ съ непріятелемъ генераль Скобелевъ рѣшили присоединить къ атакѣ его позиціи съ прямой дороги къ Янги-арыкскому ущелью обходя этой позиціи частью отряда съ тыла.

Сообразно съ этимъ были сдѣланы на 25-е число слѣдующія распоряженія:

1-я конно-стрѣлковая полурота и ракетный взводъ, подъ начальствомъ ошскаго уѣзднаго начальника маіора Іонова, должны были начать движеніе въ часъ ночи и слѣдовать по ущелью Будаилыкъ и далѣе, смотря по обстоятельствамъ и возможности, или по ущелью Беляули, или черезъ переваль Сасыкъ-Бель выйти на большую дорогу и тотчасъ же войти въ связь съ главной колонной. Если бы, по выходѣ колонны маіора Іонова на большую дорогу, непріятель былъ бы уже въ бѣгствѣ, то маіору Іонову предлагалось энергически его преслѣдовать.

Стрѣлковая рота 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, рабочая команда, 2-я конно-стрѣлковая полурота, команда 4-й Оренбургской казачьей сотни и весь выучный обозъ должны были выступить въ 3 часа пополудни по большой караванной дорогѣ.

Во время движенія главной колонны 25-го числа къ Янги-арыкскому ущелью еще разъ было подтверждено извѣстіе о томъ, что непріятель занимаетъ при входѣ въ него укрѣпленную позицію.

Истинныя разстоянія оказались нѣсколько менѣе распросныхъ. Не дойдя до Янги-арыкскаго ущелья, весь обозъ былъ оставленъ на урочищѣ Кизыль-Курганъ, представляющемъ площадку въ одну версту длиною и до 100 сажень шириною. Въ прикрытіе обозу былъ назначенъ одинъ взводъ стрѣлковой роты подъ начальствомъ завѣдывающего обозомъ прапорщика Нагайбакова.

Отрядъ же послѣ короткой остановки былъ двинутъ далѣе, имѣя впереди рабочую команду поручика Борисова, при которой слѣдовалъ и самъ генераль Скобелевъ съ состоявшими при немъ офицерами. Затѣмъ шла конно-стрѣлковая полурота есаула барона Штакельберга, три полувзвода подпоручика Синельникова и казачья команда хорунжаго Кудашева. При рабочей командѣ везлись шесть ствольныхъ арчей, на случай починки дороги.

Къ 10-ти часамъ утра отрядъ вышелъ на поляну, гдѣ начиналось ущелье Янги-арыкъ. Поляна эта на лѣвомъ берегу рѣки Гульчи имѣетъ длину около одной версты. Скаты ограничивающихъ поляну высотъ при началѣ ея не особенно крутые, но съ приближеніемъ къ входу въ Янги-арыкское ущелье принимаютъ характеръ обрывистыхъ голыхъ скалъ. Входъ въ ущелье запи-

рается спускающимся къ нему скалистымъ отрогомъ, хребетъ котораго идетъ въ направленіи перпендикулярномъ къ дорогѣ.

Спуски къ рѣкѣ на семь протяженіи поляны не особенно затруднительны. Къ правому берегу рѣки близъ ущелья вилотную спускаются крутыя высоты. При входѣ на поляну и при приближеніи къ ущелью на 1,000 шаговъ непріятель ничѣмъ не обнаруживалъ своего присутствія.

Конные стрѣлки были спѣшны, для осмотра входа въ ущелье послано было сначала нѣсколько джигитовъ, а затѣмъ гвардіи штабсъ-капитанъ Боголюбовъ.

По приближеніи нашей рекогносцировки къ ущелью на 200 шаговъ по ней былъ открытъ сильный и мѣткій огонь изъ-за завала на хребтѣ, замыкавшемъ ущелье, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаружилось, что хребетъ этотъ до самой вершины занятъ многочисленнымъ непріятелемъ, укрывшимся за каменными завалами. Генераль Скобелевъ двинулся съ отрядомъ къ позиціи непріятеля на 500 шаговъ и приказалъ разсыпать нѣсколько звеньевъ стрѣлковъ. Видя, что атака непріятельской позиціи, въ виду крайней трудности доступовъ къ хорошо укрытому противнику, вызвала бы большія потери, генераль Скобелевъ рѣшилъ соединить фронтальную атаку съ обходомъ съ обеихъ фланговъ.

Тотчасъ же есаулъ баронъ Штакельбергъ съ 30-ю конными стрѣлками былъ направленъ по крутому склону вправо отъ позиціи, занятой нашимъ отрядомъ, съ тѣмъ, чтобы, взобравшись на вершину, пріобрѣсти надъ позиціей непріятеля командующее положеніе и наступать противъ лѣваго ея фланга по гребню, зайдя для того правымъ плечомъ. Когда колонна есаула барона Штакельберга поднялась болѣе чѣмъ на половину высоты, штабсъ-капитанъ Боголюбовъ съ 15-ю стрѣлками 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона былъ направленъ на правый берегъ рѣки Гульчи съ тѣмъ, чтобы зайти, насколько позволитъ мѣстность, противъ праваго фланга и тыла непріятельской позиціи.

Колонна есаула барона Штакельберга, бодро поднимаясь по крутой высотѣ, дошла до половины ея и была встрѣчена здѣсь сильнымъ огнемъ и градомъ камней непріятеля, который, замѣтивъ наступленіе колонны нашихъ стрѣлковъ, перебѣжалъ, укрываясь за гребнемъ, густыми толпами къ нимъ навстрѣчу. Несмотря на тяжелую рану, полученную въ руку, и на убыль изъ своей небольшой команды пяти человекъ, есаулъ баронъ Штакельбергъ непрерывно продолжалъ подниматься на высоту подъ градомъ не-

приятельскихъ путь и каменьевъ, дѣлая лишь небольшія передышки, укрываясь подъ выдававшимися отрогами скаль.

Когда стрѣлки барона Штакельберга добрались до высоты, генераль Скобелевъ отправилъ на поддержку состоявшихъ при немъ войскового старшину барона Криденера съ 25-ю стрѣлками 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона по лощинѣ правѣе пути наступленія конныхъ стрѣлковъ и гвардія прапорщика Савримовича съ 15-ю конными стрѣлками вслѣдъ за колонной барона Штакельберга.

Вскорѣ послѣ ухода этихъ двухъ колоннъ, генераль Скобелевъ атаковалъ неприятельскую позицію съ фронта, для чего самъ онъ съ конвоемъ, нѣсколькими конными стрѣлками и полувзводомъ стрѣлковъ 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона двинулся въ ущелье по дорогѣ, а поручика Борисова съ рабочею командою направилъ противъ неприятельскихъ заваловъ, расположенныхъ на хребтѣ, спускавшемся къ ущелью. Въ резервъ оставался одинъ полувзводъ.

Къ началу нашего наступленія съ фронта штабсъ-капитанъ Боголюбовъ со стрѣлками 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона подъ сильнымъ огнемъ съ высотъ обоихъ береговъ рѣки и подъ градомъ каменьевъ, которые спускали съ гребня высотъ праваго берега засѣвшие за нимъ каракиргизы, пробрался косогоромъ праваго берега и занялъ позицію, съ которой открылъ огонь во флангъ и тылъ неприятеля, занимавшаго хребетъ на лѣвомъ берегу у входа въ ущелье. Дѣйствіе этого огня заставило часть неприятеля, занимавшаго заваль на хребтѣ и глубокую лощину, поднимавшуюся за хребтомъ, укрыться въ эту лощину, но упорнѣйшіе остались на завалѣ.

Наступленіе генерала Скобелева на ущелье по дорогѣ и рабочей команды поручика Борисова на заваль на хребтѣ было встрѣчено сильнымъ огнемъ и тучами камней. Неприятель, занимавшій заваль на гребнѣ высотъ и хребтѣ за лощиной, встрѣтилъ атакующихъ на мѣстѣ, но, несмотря на упорную защиту своей позиціи, былъ выбитъ съ нея, причемъ заколото штыками до 40 человекъ.

По взятіи передовой позиціи неприятеля генераль Скобелевъ продвинулся по узкой, испорченной тропинкѣ по ущелью до поперечной, крутой и глубокой ложбины, на гребнѣ которой, противоположномъ первой позиціи неприятеля, былъ устроенъ второй рядъ заваловъ, сильно занятыхъ каракиргизами.

Неприятель открылъ по горсти людей, бывшихъ съ генераломъ Скобелевымъ, сильный огонь и сталъ скатывать на дорогу камни.

Генераль Скобелевъ обождалъ атаковать эту вторую позицію, пока команда поручика Борисова не спустилась съ первыхъ заваловъ въ ложбину и не поднялась на противоположный берегъ выше неприятельскаго завала, который и былъ затѣмъ взятъ одновременно командой поручика Борисова и направленными съ дороги стрѣлками и казаками конвоя генерала Скобелева, подъ командой хорунжаго Гавохина.

Въ это время сверху по лощинѣ стали спускаться по слѣдамъ гонимаго неприятеля конные стрѣлки есаула барона Штакельберга. Колонна есаула барона Штакельберга, преодолевъ величайшія затрудненія, взобралась на гребень высотъ, опрокинула штыками собравшагося здѣсь неприятеля, который бѣжалъ частью влѣво къ своимъ позиціямъ, куда направился съ вѣренной ему командой есаулъ баронъ Штакельбергъ, частью же вправо. Бѣжавшіе вправо наткнулись неожиданно на команду войскового старшины барона Криденера и были ею перебиты. Прапорщикъ Савримовичъ съ командою конныхъ стрѣлковъ шелъ по слѣдамъ есаула барона Штакельберга, подобравъ его раненыхъ.

По овладѣніи нами вторымъ рядомъ заваловъ, поручикъ Борисовъ поднялся по слѣдующему гребню вверхъ и обнаружилъ заваль на дорогѣ на правомъ берегу рѣки за мостомъ и неприятельскій лагерь на томъ же берегу за рѣчкою Беляули. Заваль и лагерь были заняты густыми толпами пѣшаго и коннаго неприятеля. Со своей командующей позиціи поручикъ Борисовъ открылъ мѣткій огонь по защитникамъ завала и лагеря, чѣмъ обратилъ большую часть ихъ въ бѣгство. Послѣ этого было произведено общее наступленіе.

Команды, бывшія при генералѣ Скобелевѣ, поручика Борисова и часть конныхъ стрѣлковъ есаула барона Штакельберга быстро пробрались по узкой тропинкѣ къ мосту, перешли его, затѣмъ овладѣли крѣпкимъ заваломъ и, преслѣдуя бѣжавшаго неприятеля, ворвались по мосту черезъ рѣку Беляули въ только что оставленный неприятельскій лагерь. Команда штабсъ-капитана Боголюбова шла къ мосту правымъ берегомъ. Шаговъ за 100 до моста, остановленная отвѣснымъ обрывомъ берега, она перебралась въ бродъ на лѣвый берегъ и шла въ хвостѣ вышеназванныхъ командъ.

Вскорѣ собрались на мѣстѣ бывшаго неприятельскаго лагеря и прочія части отряда, а обозу было послано приказаніе слѣдовать на соединеніе.

Съ цѣлью преслѣдованія непріятеля, а также для соединенія съ колонной маіора Іонова, генераль Скобелевъ послѣ непродолжительной остановки двинулся по дорогѣ на Суфи-Курганъ съ конно-стрѣлковой полуротой и казачьей командой, а позади пошелъ взводъ стрѣлковъ 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Дорогой попадались отряду стада и лошади, брошенные въ послѣднемъ бѣгствѣ непріятелемъ.

Не доходя двухъ верстъ до ущелья Тарганлыкъ, колонна, слѣдовавшая подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева, соединилась съ колонной маіора Іонова. Колонна эта, выступивъ съ бивака въ часъ по-полуночи, слѣдовала по ущелью Будаилыкъ и, пройдя около 16-ти верстъ, неожиданно наткнулась на непріятельскій пикетъ изъ шести человекъ, который и былъ захваченъ. Поднявшись на гору Муланы-Бель, она опять встрѣтила сильный непріятельскій пикетъ, большая часть котораго успѣла бѣжать въ Беляулицкое ущелье. Не имѣя уже основанія разсчитывать на неожиданность своего появленія въ этомъ ущельи и обнаруживъ по дорогѣ къ Тарганлыку непріятельскіе аулы, маіоръ Іоновъ, не сворачивая по Беляули, двинулся черезъ Кичи-Беляули и перешелъ черезъ два перевала Акъ-Бель и Сасыкъ-Бель, еще покрытый снѣгомъ. Спустившись затѣмъ въ долину Аспалы, колонна маіора Іонова истребила аулъ рода таукѣ и свернула въ ущелье Тарганлыкъ, гдѣ уничтожила еще нѣсколько ауловъ и захватила скотъ мятежнаго рода сартляровъ. Выйдя ущельемъ Тарганлыкъ на большую дорогу и еще не имѣя свѣдѣній о положеніи дѣла, колонна маіора Іонова повернула на присоединеніе къ главной колоннѣ, сдѣлавъ уже до 50-ти верстъ по труднымъ горнымъ тропинкамъ.

Соединившись съ колонной маіора Іонова, генераль Скобелевъ продолжалъ преслѣдованіе непріятеля до Суфи-Кургана (14 верстъ отъ Беляули) и далѣе по дорогѣ на Алай еще на разстояніе около пяти верстъ. Въ виду окончательнаго разсѣянія непріятеля, преслѣдованіе было прекращено и войска, въ немъ участвовавшія, расположились для ночлега на площадкѣ, въ одной верствѣ отъ Суфи-Кургана къ Беляули, гдѣ бивакировали уже взводъ стрѣлковой роты, рабочая команда и обозъ.

Въ этомъ дѣлѣ при Янги-арыкѣ 25-го апрѣля 1876 года со стороны непріятеля участвовало до 1,500 человекъ, преимущественно каракиргизовъ родовъ сартляръ, кукча и ульджаке, къ которымъ пристали и бродяги разнаго происхожденія. Во главѣ непріятеля, какъ сказано, были всѣ извѣстнѣйшіе мятежники:

Сулейманъ-Удайчи, Абдулла-Бекъ, Омаръ-Бекъ, Бекджанъ, Минъ-баши-Таныкуль-Пансать и Вали-Ханъ-Тюра, изъ коихъ первый убитъ, прочіе же успѣли бѣжать на Алай.

Непріятель потерялъ не менѣе 150 убитыми, нѣсколько человекъ было взято въ плѣнъ, множество оружія было брошено на полѣ сраженія, гдѣ войсками было подобрано восемь фальконетовъ и до 80 ружей. Кромѣ того, было взято три большихъ бунчука.

Съ нашей стороны потеря состояла изъ одного нижняго чина и двухъ джигитовъ убитыми. Кромѣ того, былъ тяжело раненъ есауль баронъ Штакельбергъ и восемь нижнихъ чиновъ; ушиблены камнями и легко ранены поручикъ Борисовъ и 12 нижнихъ чиновъ.

Въ этомъ трудномъ дѣлѣ всѣ чины отряда, какъ офицеры, такъ и солдаты, проявили столько доблести, что генераль Скобелевъ въ своемъ донесеніи командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа отъ 20-го мая 1876 г. затруднился даже подыскать слова для ея выраженія.

На слѣдующій день, 26-го апрѣля, изъ отряда была выдѣлена колонна изъ конно-стрѣлковъ и ракетнаго взвода, съ которой генераль Скобелевъ лично произвелъ рекогносцировку дороги на перевалъ Терекъ-Даванъ до урочища Дарвазъ, въ 12-ти верстахъ отъ Суфи-Кургана, причемъ были найдены на дорогѣ тѣла Бекджана и четырехъ джигитовъ, оставшіяся не убранными на мѣстѣ, гдѣ они были убиты. Тѣла эти были привезены въ лагерь и преданы землѣ. Вечеромъ, 25-го числа, а затѣмъ въ теченіе всего слѣдующаго дня, стали приходять въ лагерь съ изъявленіемъ покорности представители родовъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, а также и другихъ.

Ставя цѣлью скорѣйшее успокоеніе края, генераль Скобелевъ объявилъ имъ помилованіе отъ имени Туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, которому туземцы присвоили характерный титулъ «арымъ-падишахъ», т. е. полуцарь, и объяснилъ имъ обязанности подданныхъ Бѣлаго Царя, которыя они чистосердечно обѣщали исполнять въ точности и выразили готовность принять мѣры къ поимкѣ вышеупомянутыхъ главныхъ зачинщиковъ-предводителей.

27-го апрѣля генераль Скобелевъ съ большей частью отряда вернулся въ Гульчу, оставивъ у Суфи-Кургана стрѣлковую роту 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, подъ начальствомъ маіора

Ионова, которому приказано было назначить во всё окрестные киргизскіе роды волостныхъ правителей (біевъ).

Исполнивъ эту задачу, маіоръ Ионовъ съ ротой вернулся въ Гульчу 1-го мая. Хотя блестящій результатъ нашего движенія въ горы, считавшіяся, по общему мнѣнію, неприступными, произвелъ глубокое, благоприятное для насъ впечатлѣніе, но тѣмъ не менѣе генераль Скобелевъ допускалъ возможность серьезныхъ возстаній, подобныхъ послѣднему, и полагалъ, что для окончательнаго прочнаго водворенія нашей власти среди каракиргизовъ необходимо изслѣдовать нашими войсками Алай, имѣющій громадное экономическое значеніе для кочевниковъ, тѣмъ болѣе, что они были склонны считать его внѣ сферы прямого нашего вліянія.

Кромѣ того, на Алаѣ жили нѣкоторые киргизскіе роды, тогда намъ еще неизвѣстные, которые могли при нѣкоторыхъ условіяхъ посѣять вновь безпорядки, да еще притомъ на границѣ, гдѣ въ особенности слѣдуетъ ихъ избѣгать.

Движеніе же русскихъ на Алай обѣщало имѣть совершенно мирный характеръ и дать прекрасные результаты, въ смыслѣ водворенія нашей власти среди всѣхъ вообще каракиргизовъ. Въ числѣ причинъ, по которымъ генераль Скобелевъ считалъ необходимымъ отправленіе отряда на Алай, было также желаніе изслѣдовать въ научномъ отношеніи эту чрезвычайно интересную долину, имѣющую своеобразный характеръ, свойственный лишь немногимъ мѣстностямъ Центральной Азіи.

Опасенія генерала Скобелева не замедлили оправдаться, хотя и не вполне. Серьезныя возстанія, подобныя тому, которое закончилось пораженіемъ мятежниковъ въ Янги-арыкскомъ ущельи, не повторялись, но мелкія возстанія происходили еще долгое время, и въ разныхъ пунктахъ области то и дѣло появлялись шайки.

Возстанія не достигали значительныхъ размѣровъ лишь потому, что они были подавляемы въ самомъ началѣ, благодаря энергическимъ дѣйствіямъ вновь учрежденной администраціи и цѣлесообразному размѣщенію въ различныхъ пунктахъ области отрядовъ войскъ, къ содѣйствію которыхъ администрація нерѣдко прибѣгала.

Въ концѣ мая появилась въ Андижанскомъ уѣздѣ шайка Диваны, разбитая близъ урочища Кара-Кія. Получивъ донесеніе объ ея появленіи близъ города Узгена, начальникъ Андижанскаго уѣзда, войсковой старшина Смирновъ, выступилъ изъ Узгена утромъ, 21-го мая, во главѣ отряда, состоявшаго изъ 2-й сотни Сибирскаго

казацкаго войска, подъ командой сотника Мурзинцева, и одного взвода 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командой штабсъ-капитана Машлыкина ¹⁾.

Дойдя до мѣстности Кара-Кульджа и получивъ отъ кочующихъ здѣсь киргизовъ точныя свѣдѣнія о томъ, что шайка находилась около перевала Бель-Башъ-Атъ, войсковой старшина Смирновъ оставилъ здѣсь взводъ стрѣлковъ, а самъ съ сотней казаковъ быстро двинулся далѣе, дабы не дать шайкѣ возможность скрыться. Прискакавъ на перевалъ Бель-Башъ-Атъ, онъ дѣйствительно увидѣлъ конную шайку около 400 человекъ съ тремя значками, которая при появленіи казаковъ въ паникѣ разбѣжалась въ ущелья горъ по разнымъ направленіямъ, раздѣлившись на три части и оставивъ на мѣстѣ своего расположенія много разнаго имущества и палатку Дивана-Хана.

Отсюда было отправлено приказаніе штабсъ-капитану Машлыкину остановиться съ стрѣлками на Кара-Кульджѣ, а казаки стали преслѣдовать большую часть шайки, человекъ въ полтораста, направившуюся по косоугору Кадууръ на горный перевалъ Учъ-Атъ. Эта часть шайки, выбѣжавъ на мѣстность Карагантегеръ, вся разсѣялась въ разныя стороны и преслѣдованіе, продолжавшееся пять часовъ, было прекращено.

Казаки остановились въ 7 часовъ вечера на бивакъ въ аулѣ Аканъ, на урочищѣ Коперь-Аузъ, Алимбекской волости, гдѣ были получены отъ киргизовъ свѣдѣнія, что главными дѣйствующими лицами въ шайкѣ были: Дивана-Ханъ, Чашлакъ-Дивана-Тюръ и многіе другіе киргизы изъ различныхъ родовъ.

Въ отрядѣ убили не было, а мятежники потеряли 15 человекъ убитыми, палатку Дивана-Хана, пять лошадей и много разнаго имущества. На слѣдующій день сотня соединилась со стрѣлками и отрядъ двинулся въ г. Узгенъ.

Послѣ дѣла при Янги-арыкѣ большая часть участниковъ мятежа, каракиргизовъ, кочующихъ въ Алайскихъ горахъ, обратилась къ мирнымъ занятіямъ, а незначительное меньшинство бродягъ безъ рода и племени, увлекаемое обѣщаніями энергическихъ вожаковъ, продолжало отъ времени до времени образовывать шайки, достигавшія нерѣдко внушительныхъ размѣровъ, такъ что разсѣяніе ихъ было не подъ силу администраціи, прибѣгавшей въ этихъ случаяхъ къ содѣйствію войскъ.

¹⁾ Рапорты начальника Андижанскаго уѣзда отъ 21-го мая 1876 года №№ 3 и 5.

Хотя шайки достигали иногда численности болѣе 150 человекъ, но онѣ не рѣшались дѣлать нападеній даже на незначительные отряды войскъ и ограничивались грабежомъ мирныхъ жителей, доводя иногда свою дерзость и нахальство до того, что рѣшались грабить аулы, стоявшіе недалеко отъ мѣста расположенія нашихъ войскъ.

Такъ, напримѣръ, шайка мятежниковъ-каракиргизовъ около 150 человекъ, подъ предводительствомъ братьевъ Хасанъ-Бека и Мамынъ-Бека, окружила ¹⁾ въ ночь съ 7-го на 8-е іюня большой аулъ мирныхъ каракиргизовъ, кочевавшихъ недалеко отъ укрѣпленія Гульча, въ ущельи Джусале.

Благодаря близости мѣста расположенія этого аула отъ Гульчи, немедленно изъ аула было дано знать о происшествіи въ укрѣпленіе, откуда въ часъ ночи было послано 60 казаковъ изъ расположенной въ Гульчѣ 2-й Оренбургской сотни 5-го своднаго Оренбургско-Уральскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ командира названной сотни есаула Вырубова. При столкновеніи съ прибывшими казаками мятежники не выдержали, обратились въ бѣгство и направились вверхъ по ущелью Джусале. Казаки преслѣдовали ихъ на протяженіи около 30-ти верстъ, причемъ есаулъ Вырубовъ принужденъ былъ четыре раза спѣшивать казаковъ для выбитія изъ-за камней и заваловъ мятежниковъ, пытавшихся остановить преслѣдующихъ.

Во время стычки и послѣдующаго преслѣдованія было изрублено шашками до 25-ти каракиргизовъ, число же убитыхъ пулями и раненыхъ не было опредѣлено, благодаря ночной темнотѣ и массѣ камней, загромождавшихъ ущелье, за которыми укрывались каракиргизы.

Кромѣ того, было отбито девять лошадей и взято въ плѣнъ два киргиза, которые и сообщили, что въ шайкѣ было не менѣе 150 человекъ и что предводительствовали ею братья Хасанъ-Бекъ и Мамынъ-Бекъ, которымъ удалось счастливо скрыться. Съ нашей стороны было ушиблено камнями пять казаковъ и одинъ джигитъ раненъ пулею въ руку.

Въ половинѣ іюня мѣсяца появилась довольно большая шайка кипчаковъ въ Чиміонскомъ уѣздѣ, при столкновеніи съ которой нашими войсками не было достигнуто рѣшительныхъ результатовъ.

¹⁾ Донесеніе командующаго 5-мъ своднымъ Оренбургско-Уральскимъ казачьимъ полкомъ отъ 19-го іюня 1876 г., № 36.

Получивъ донесеніе о томъ, что на урочищѣ Нау-Джайляу собралась шайка, подъ предводительствомъ бѣя Мулла-Ашира, Чиміонскій уѣздный начальникъ штабсъ-капитанъ Ляшевскій немедленно отправился туда съ конвоемъ изъ 15-ти казаковъ и нѣсколькихъ джигитовъ. Пройдя 18-го іюня урочище Зардалы, онъ былъ встрѣченъ при входѣ въ ущелье Нау-Джайляу сильнымъ огнемъ и градомъ камней мятежниковъ, занимавшихъ сильную укрѣпленную позицію, причемъ былъ раненъ одинъ казакъ.

Отойдя къ ханскому мосту, штабсъ-капитанъ Ляшевскій послалъ извѣщеніе о происшедшемъ начальнику наблюдательнаго отряда, расположеннаго близъ кишлака Сохъ, капитану Сполатбогу, и просилъ прислать подкрѣпленіе. Капитанъ Сполатбогъ, получивъ это извѣстіе ночью съ 18-го на 19-е іюня, немедленно же двинулся на выручку штабсъ-капитана Ляшевскаго и его конвоя, взявъ съ собою 40 казаковъ 1-й сотни Оренбургско-Уральскаго своднаго казачьяго № 5-го полка и 40 нижнихъ чиновъ 3-й роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, которыхъ онъ для скорѣйшаго передвиженія по трудному горному пути посадилъ на лошадей, собранныхъ у жителей кишлака Сохъ.

Благополучно соединившись съ штабсъ-капитаномъ Ляшевскимъ у кишлака Ханъ и получивъ отъ него свѣдѣнія о занимаемой непріателемъ позиціи и дорогѣ, ведущей къ ней, капитанъ Сполатбогъ рѣшилъ, переночевавъ здѣсь, двинуться на слѣдующій день для атаки непріятеля. Но, считая, что находящихся въ его распоряженіи людей недостаточно для взятія этой позиціи, онъ послалъ приказаніе оставленному въ Сохѣ подпоручику Рудановскому присоединиться къ нему съ 20-ю нижними чинами.

Не дождавшись прибытія этого подкрѣпленія, капитанъ Сполатбогъ двинулся 21-го числа далѣе, перевалилъ черезъ Мазанъ и около кишлака Кара-Кіянинъ-Дара встрѣтилъ передовые посты противника, которые и были имъ уничтожены.

Отъ раненаго плѣннаго капитанъ Сполатбогъ узналъ, что вооруженная шайка, въ числѣ около 600 человекъ, расположилась на урочищѣ Нау-Джайляу, рѣшившись оказать русскимъ упорное сопротивленіе.

Въ виду того, что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ начальникомъ Чиміонскаго уѣзда, при дальнѣйшемъ движеніи необходимо около 20-ти разъ переправляться черезъ отдѣльные рукава рѣки Соха, вода въ которой прибыла настолько, что переходъ черезъ нее въ бродъ не представлялся возможнымъ, отрядъ двинулся далѣе лишь

22-го числа, съ разсвѣтомъ, когда въ горныхъ рѣкахъ бываетъ наименьшее количество воды, и скоро приблизился къ непріятельской позиціи.

Осмотрѣвъ позицію непріятели, расположившагося въ ущельи за завалами, капитанъ Сполатбогъ рѣшилъ направить одинъ полувзводъ пѣхоты въ обходъ по крутизнѣ праваго берега ручья Нау-Джайляу, 20 спѣшенныхъ казаковъ въ обходъ лѣваго фланга по крутизнѣ лѣваго берега, а самъ съ оставшимися людьми отряда двинулся прямо вверхъ по ущелью, рассыпавъ при входѣ въ него цѣнь стрѣлковъ для обстрѣливанія заваловъ и перебѣгающаго по крутизнамъ непріятели.

Казаки, подъ командой хорунжаго Сурова, и пѣхотинцы, подъ командой унтеръ-офицера Калашина, наступая подъ градомъ пуль и камней, опрокинули засѣвшихъ за камнями на крутизнѣ кипчаковъ, заняли позицію выше главныхъ силъ непріятели и открыли сильный продольный огонь по завалу, занятому непріятеlemъ, который не выдержалъ этого огня и очистилъ часть занятой имъ позиціи, но всѣ усилія завладѣть позиціей не увѣнчались успѣхомъ, благодаря слабости отряда капитана Сполатбога, и онъ принужденъ былъ отступить въ Сохъ. Потеря съ нашей стороны была слѣдующая—ранены: 1 унтеръ-офицеръ, 1 рядовой, 1 казакъ; контужено 4 урядника и казакъ.

При отступленіи контуженные находились въ строю, а раненые были перевезены на вьючныхъ носилкахъ. Причина этой неудачи нашихъ войскъ въ дѣйствіяхъ противъ коканцевъ заключалась въ томъ, что капитанъ Сполатбогъ рѣшился атаковать сильную укрѣпленную позицію непріятели съ слишкомъ ничтожными силами, не дождавшись вызваннаго имъ изъ Соха подпоручика Рудановскаго съ подкрѣпленіемъ, а также въ недостаточно энергичномъ и умѣломъ веденіи атаки.

Въ виду того, что одного подобнаго случая было достаточно для того, чтобы поднять духъ противника и возбудить въ немъ надежду на успѣхъ борьбы съ русскими, генераль Скобелевъ былъ крайне недоволенъ дѣйствіями капитана Сполатбога, отрядъ котораго былъ признанъ слишкомъ слабымъ для самостоятельныхъ дѣйствій, и ему запрещено было предпринимать наступленіе въ горы.

Капитанъ Серебrenниковъ.

I.

КЪ ИСТОРИИ КОКАНСКАГО ПОХОДА ¹⁾.

Штурмъ кишлака Учъ-Курганъ.—Присоединеніе Коканскаго ханства и политическое состояніе вновь образованной Ферганской области.

Блестящій штурмъ укрѣпленнаго кишлака Учъ-Курганъ, 27-го января 1876 года, произведенный частью Наманганскаго дѣйствующаго отряда и закончившійся полнымъ разгромомъ одного изъ главнѣйшихъ предводителей возмущившихся коканцевъ, Пулатъ-хана, произвелъ громадное впечатлѣніе на все населеніе Коканскаго ханства, какъ осѣдлое, такъ и кочевое, и въ связи съ прежними побѣдами нашихъ войскъ окончательно убѣдилъ туземцевъ въ безполезности борьбы съ русскими, которымъ они и поспѣшили изъявить полную покорность.

Какъ извѣстно, въ концѣ 1875 года, уже послѣ образованія Наманганскаго отдѣла, начальникомъ котораго былъ назначенъ свиты Его Величества генераль-маіоръ Скобелевъ, волненія, начавшіяся на лѣвой сторонѣ рѣки Сыръ-Дарья, въ предѣлахъ Коканскаго ханства, перешли и на правый ея берегъ въ наши предѣлы, гдѣ они скоро были подавлены, благодаря рѣшительнымъ дѣйствіямъ нашего отряда. Близкое сосѣдство вновь присоединеннаго къ Россіи Наманганскаго отдѣла съ охваченнымъ возстаніемъ Коканскимъ ханствомъ, въ предѣлахъ котораго царяла полнѣйшая анархія, разумѣется, весьма дурно отзывалось на спокойствіи нашихъ подданныхъ, и потому главный начальникъ дѣйствовавшихъ въ Коканѣ войскъ, уѣзжая изъ Наманганскаго отдѣла, снабдилъ генераль-маіора Скобелева инструкціей и приказалъ ему предпринять самыя рѣшительныя мѣры противъ шакъ бунтовщиковъ, хозяйничавшихъ въ Коканскомъ ханствѣ, главнымъ образомъ въ Андижанѣ, что и было исполнено въ періодъ съ 25-го декабря 1875 года по 28-е января 1876 года. Послѣ удачнаго штурма Андижана, 8-го января, и пораженія скопищъ коканцевъ у кишлака Ассакѣ, 18-го числа этого мѣ-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1897 г., № 9.
Т. ССХLVI.—Отд. I.

сяца, многіе предводители: Батырь-пюра, Халикуль-парваначи, Исфандіяръ и другіе во главѣ съ самымъ главнымъ и энергичнѣйшимъ изъ нихъ, Абдурахманомъ-автобачи, 20-го января сдались, признавъ для себя невозможнымъ дальтѣйшую борьбу съ русскими. Оставался еще одинъ, послѣдній, предводитель коканцевъ, Пулатъ-ханъ, но и тотъ, чувствуя приближеніе конца своей дѣятельности, закончилъ ее рядомъ злодѣйствъ и, между прочимъ, изъ мести къ Абдурахману-автобачи зарѣзалъ трехъ его братьевъ, послѣ чего бѣжалъ со своими приверженцами на Алай, откуда онъ предполагалъ пробраться въ Каратегинъ.

Необходимо было помѣшать Пулатъ-хану безнаказанно скрыться въ Бухару, за предѣлы Коканскаго ханства, откуда онъ могъ продолжать свою дѣятельность. Для преслѣдованія его, по приказанію генераль-маіора Скобелева, былъ высланъ изъ города Андижана отрядъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго, въ составъ котораго входили: 1-я, 2-я и 5-я Оренбургскія, 1-я, 2-я и 5-я Сибирскія сотни, 2-я полусотня 2-й Семирѣченской сотни, 2-й эскадронъ конныхъ стрѣлковъ, ракетная батарея (6 станковъ) и дивизионъ (4 орудія) 1-й батареи конно-артилерійской бригады Оренбургскаго казачьяго войска.

Согласно приказа по Наманганскому дѣйствующему отряду, отъ 27-го января, въ 10 часовъ утра ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій выступилъ съ вѣреннѣмъ ему отрядомъ изъ города Андижана къ кишлаку Ассакѣ двумя эшелонами ¹⁾. Первый эшелонъ, подъ его личнымъ начальствомъ, состоялъ изъ 6½ сотенъ казаковъ, ракетной батареи, 2-го конно-стрѣлковаго эскадрона и дивизиона конныхъ орудій. Второй эшелонъ, слѣдовавшій сзади подъ начальствомъ капитана 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Юнова ²⁾, состоялъ изъ двухъ ротъ пѣхоты. Обозъ отряда (по 10 арбъ на роту и по 5 на сотню, батарею и эскадронъ) слѣдовалъ весь при второмъ эшелонѣ. Люди отряда имѣли на себѣ четырехъ-дневный запасъ сухарей. Шанцевый инструментъ, находящійся въ частяхъ, везли съ собою.

Первый эшелонъ, дойдя до высотъ Хакенъ, лежащихъ близъ Ассакѣ, былъ остановленъ начальникомъ его на полчаса, чтобы дать людямъ немного отдохнуть. Затѣмъ, получивъ извѣстіе, что второй

¹⁾ Репортъ флигель-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго временно командующему Наманганскимъ дѣйствующимъ отрядомъ отъ 31-го января 1876 года за № 20.

²⁾ Нынѣ генераль-маіоръ, начальникъ 1-й Туркестанской линейной бригады.

эшелонъ приближается къ Ассакѣ, ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій послалъ приказаніе капитану Юнову двигаться по направленію ассакинскаго моста, занять ханскій дворецъ, гдѣ и оставаться до полученія новыхъ приказаній. Вмѣстѣ съ симъ, первому эшелону было приказано продолжать движеніе по направленію къ кишлаку Арсыпъ.

Во время остановки у кишлака Ассакѣ, сотнику Байтокову было приказано собрать и отправить всѣхъ джигитовъ отряда, всего до 150 человекъ, въ Маргеланъ съ требованіемъ выдачи изъ этого города орудій и имущества Пулатъ-хана.

Согласно инструкціи, полученной отъ начальника Наманганскаго дѣйствующаго отряда, движеніе къ городу Маргелану запрещалось, а разрѣшалось произвести лишь демонстрацію по направленію къ этому городу до кишлаковъ Янгичека или Арсыпа, смотря по обстоятельствамъ! Тѣмъ не менѣе, чтобы ввести въ заблужденіе жителей Маргелана относительно цѣли движенія отряда, сотникъ Байтоковъ написалъ по приказанію начальника отряда письмо къ вліятельнымъ лицамъ Маргелана съ заявленіемъ, что русскій отрядъ двигается къ городу Маргелану вслѣдъ за джигитами и что онъ будетъ остановленъ тотчасъ же, какъ только будутъ вывезены на встрѣчу ему требуемыя орудія.

Пройдя отъ Ассакѣ 12 верстъ, за кишлакомъ Ниязь-Батырь были получены важныя извѣстія, измѣнившія цѣль и направленіе движенія отряда. Двое жителей Маргелана привезли письменное уведомленіе, что Пулатъ-ханъ вышелъ изъ Маргелана съ 5,000 конницы, частью пѣхоты и пятью орудіями и со всѣмъ своимъ имуществомъ направился къ Алайскимъ горамъ, съ цѣлью пробраться въ Каратегинъ и что ночь съ 27-го на 28-е января онъ намѣренъ провести въ кишлакѣ Учъ-Курганъ, находящемся на юго-востокъ отъ Маргелана въ разстояніи около 30-ти верстъ. По собраннѣмъ распроснѣмъ свѣдѣніямъ, Учъ-Курганъ находился отъ мѣста, гдѣ были получены эти извѣстія, въ 40—50 верстахъ, причемъ къ нему вела хорошая колесная дорога.

Несмотря на то, что кавалерія и артилерія отряда уже сдѣлали въ этотъ день до 40 верстъ, всѣ лошади были въ отличномъ состояніи, а офицеры и нижніе чины имѣли такой бодрый видъ, что начальникъ отряда рѣшилъ въ этотъ же день двигаться къ Учъ-Кургану и произвести на него неожиданное нападеніе. Результаты подобнаго нападенія были настолько существенны, что оправдывали разумѣется, рискъ принятаго рѣшенія. Можно было надѣяться на-

нести послѣдній ударъ скопищамъ Пулатъ-хана, захватить его артилерію, имущество и даже, быть можетъ, его самого.

Принявъ рѣшеніе идти къ Учъ-Кургану, ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій послалъ донесеніе объ этомъ начальнику Наманганскаго дѣйствующаго отряда, испрашивая у него дальнѣйшихъ инструкцій.

Пользуясь хорошою дорогою, первый эшелонъ отряда шелъ перемѣнными аллюрами: рысью и шагомъ, причемъ, смотря по мѣстности, по инициативѣ самихъ сотенныхъ командировъ, сотни шли въ колоннахъ полусотенныхъ, взводныхъ, по шести или по три. Сдѣлавъ болѣе 50-ти верстъ, кавалерія все еще казалась нисколько не утомленною и шла въ порядкѣ, какъ на ученья, соблюдая на рыси равненіе и дистанціи между частями. Трудная и славная школа, пройденная казаками въ продолженіе всего Коканскаго похода, благотворно давала себя чувствовать высокимъ нравственнымъ духомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и крайнею выносливостью лошадей, давно уже втянутыхъ въ работу и привыкшихъ къ усиленнымъ маршамъ. Не только конная артилерія, но даже и второй эскадронъ конныхъ стрѣлковъ, взятыхъ изъ пѣшаго строя и посаженныхъ на лошадей лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не отставали отъ казаковъ.

— Верстахъ въ 25-ти отъ Ассакѣ дорога пошла по длинному, хотя довольно отлогому подъему и сдѣлалась тяжелою, въ особенности для артилеріи.

— Считаая, что съ принятіемъ рѣшенія произвести печальное нападеніе на Учъ-Курганъ важнѣе всего было выиграть время, начальникъ отряда счелъ необходимымъ отдѣлить отъ отряда главную часть изъ 3^{1/2} сотенъ, эскадрона конныхъ стрѣлковъ и ракетной батареи, которую и повелъ лично впередъ, а остальные три сотни и дивизионъ конной артилеріи должны были слѣдовать за ними подъ начальствомъ войскового старшины Герасимова.

— Верстахъ въ 30-ти отъ кишлака Ассакѣ дорога потянулась узкою долиною между двумя грядами каменистыхъ и довольно значительныхъ высотъ. Оставивъ за собою кишлакъ Ниязь-Батырь, головная часть на разстояніи 25-ти верстъ не встрѣчала никакого жилья. Затѣмъ начали попадаться по сторонамъ дороги небольшія курганчи, мимо которыхъ отрядъ, пользуясь наступившею темнотою, проходилъ съ возможною тишиною. Близъ одной изъ нихъ, въ 65-ти верстахъ отъ Андижана, отрядъ былъ спѣшенъ и послѣ остановки въ 20 минутъ проведенъ пѣшкомъ около трехъ верстъ, чтобы

дать лошадямъ нѣкоторый отдыхъ. Начальникъ отряда при помощи джигитовъ все время поддерживалъ связь съ войсковымъ старшиною Герасимовымъ, дописавшемъ нѣсколько разъ, что дивизионъ артилеріи и прикрывающія ее сотни подвигаются впередъ безостановочно. Во время остановки отряда прискакали изъ Учъ-Кургана одинъ изъ посланныхъ сотникомъ Байтоковымъ лазутчиковъ, который сообщилъ, что Пулатъ-ханъ дѣйствительно находится въ этомъ пунктѣ съ 5,000 чел. конницы, 500 чел. пѣхоты при пяти орудіяхъ и еще ничего не знаетъ о движеніи нашего отряда. Медлить было нельзя и отрядъ продолжалъ движеніе.

— Верстахъ въ двухъ отъ Учъ-Кургана, къ сѣверу отъ него, правѣ направленія движенія, изъ кишлака, лежащаго по дорогѣ изъ Маргелана къ Учъ-Кургану, показалась конная партія въ 300 чел. съ однимъ значкомъ. Чтобы не допустить эту партію броситься въ Учъ-Курганъ и не произвести тамъ тревоги, была выслана вправо 1-я Орецбургская сотня, замѣтивъ движеніе, которой партія быстро отступила къ Маргелану, а сотня снова перешла на прямую дорогу въ Учъ-Курганъ, въ голову колонны.

— Обширный въ нѣсколько сотенъ дворовъ кишлакъ Учъ-Курганъ лежитъ въ глубокой лоцинѣ, вдоль горной рѣчки Учъ-Курганъ-сай и имѣетъ длинную и узкую, версты въ 2^{1/2}, фигуру, вытянутую по направленію отъ сѣвера къ югу. Въ южномъ его концѣ, на высотѣ командующей всѣмъ кишлакомъ, лежитъ укрѣпленная урда ¹⁾, въ которой и ночевалъ Пулатъ-ханъ. Мѣстность позволяла совершенно скрытно дойти до кишлака. Дорога со стороны небольшого селенія Кичкене уперлась въ крутой спускъ къ рѣчкѣ Учъ-Курганъ-сай, по которой и расположенъ кишлакъ.

— Хотя отрядъ, достигнувъ до Учъ-Кургана, сдѣлалъ въ этотъ день безъ пищи и отдыха около 90 верстъ, тѣмъ не менѣе ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій рѣшился немедленно атаковать кишлакъ, чтобы воспользоваться всѣми выгодами печальнаго нападенія.

— Узкія извилистыя улицы кишлака, окружающія его со всѣхъ сторонъ, крутыя высоты, темнота и неизвѣстность относительно того, укрѣпленъ ли кишлакъ или нѣтъ и насколько сильна урда, заставили начальника отряда принять слѣдующій планъ для атаки:

1) Спѣшенные стрѣлки 2-го конно-стрѣлковаго эскадрона и спѣшенные казаки 1-й Сибирской сотни составили штурмовую колонну, на которую возлагался штурмъ кишлака и урды. Начальни-

¹⁾ Цитадель, кремль.

комъ этой колонны былъ назначенъ причисленный къ генеральному штабу 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона капитанъ Куропаткинъ ¹⁾. Проводникомъ штурмовой колонны вызвался быть Исфандіаръ-датха, нѣсколько дней тому назадъ сдавшійся вмѣстѣ съ Абдурахманомъ-автобачи.

2) Первая Оренбургская сотня и вторая полусотня 2-й Семирѣченской сотни, подъ начальствомъ есаула Мелянина, были направлены въ обходъ, влѣво отъ расположенія отряда, на путь отступленія непріятеля вьючною дорогою въ Каратегинъ.

3) Самъ начальникъ отряда, съ ракетной батареей, 2-й Оренбургской сотней и коноводами спѣшенныхъ частей, расположился на пути отступленія Пулатъ-хана арбяною дорогою въ Каратегинъ.

Штурмовая колонна, имѣя впереди копныхъ стрѣлковъ и сзади казаковъ 1-й Сибирской сотни, спустилась съ обрыва и быстро двинулась къ урдѣ, до которой ей надо было пройти кишлакомъ около 1¹/₂ версты. Движеніе колонны началось въ 10 часовъ вечера. Въ кишлакѣ, сначала безмолвно, скоро послышался шумъ, показались скачущіе въ разныхъ направленіяхъ всадники, число которыхъ все увеличивалось и увеличивалось. Капитанъ Куропаткинъ, желая по возможности быстро и неожиданно достигнуть урды, запретилъ стрѣлять по одиночнымъ людямъ и отвѣчать на выстрѣлы, которыми стали встрѣчать колонну изъ за прилегающихъ къ дорогѣ саклей и дуваловъ ²⁾. Приказаніе стрѣлять было отдано лишь тогда, когда улица наполнилась конными и пѣшими сарбазами ³⁾ Пулатъ-хана, изъ коихъ многіе стали въ одиночку бросаться на колонну, пытаясь прорваться черезъ нее, причемъ были переколоты.

Благодаря тишинѣ, съ которой двигалась колонна (крикъ «ура» былъ запрещенъ), темнотѣ и кривизнѣ улицъ, колонна нѣсколько разъ натыкалась на скачущія навстрѣчу ей значительныя конныя партіи. Встрѣчаемый на самомъ близкомъ разстояніи залпами, непріятель не выдерживалъ и, оставляя значительное число тѣлъ, поворачивалъ обратно. Одна изъ наиболѣе значительныхъ партій, человекъ въ 200, два раза пыталась проскакать по берегу рѣки, текущей параллельно пути слѣдованія колонны, чтобы пробраться на Маргеланскую дорогу, но оба раза, встрѣченная дружными залпами, была опрокидываема назадъ.

Вскорѣ, однако, значительныя массы непріятеля, оправившись

¹⁾ Нынѣ генераль-лейтенантъ, военный министръ.

²⁾ Глинобитныя стѣны—заборы.

³⁾ Регулярная пѣхота кокандцевъ.

отъ неожиданнаго нападенія, частью бросились защищать урду, частью перебрались на противоположный берегъ ручья и открыли по колоннѣ огонь изъ фальконетовъ, все болѣе и болѣе усиливающейся, но весьма мало дѣйствительный благодаря темнотѣ.

Урда Учъ-Кургана лежала на противоположномъ берегу рѣчки, на значительной высотѣ, крутымъ яромъ спускающейся къ рѣчкѣ, дѣляющей въ этомъ мѣстѣ извилицу. Длинный мостъ велъ къ подошвѣ высоты, на которой расположена урда и затѣмъ дорога спирально поднималась къ ея вершинѣ. Урда состояла изъ двухъ отдѣльныхъ частей: въ первой помѣщался самъ Пулатъ-ханъ, его свита и находилось все его имущество, а вторую часть составляла батарея изъ пяти мѣдныхъ орудій и сарбазскій дворъ. Батарея была расположена на четырехугольной площадкѣ и командовала надъ всѣмъ кишлакомъ. Одинъ фась ея примыкалъ къ стѣнѣ сарбазскаго двора, по двумъ другимъ были расположены орудія, а четвертый фась былъ барикадированъ арбами.

Опрокидывая и закалывая всѣхъ сопротивляющихся, колонна, преслѣдуя бѣгущихъ, перебѣжала черезъ мостъ и ворвалась въ ворота урды. Совершенно неожиданное нападеніе ночью и объятые паническимъ страхомъ, защитники первой части урды сопротивлялись слабо. Всѣ, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, были переколоты. Оставивъ въ этой части конныхъ стрѣлковъ подъ начальствомъ прапорщика Кудрявцева, капитанъ Куропаткинъ съ нѣсколькими стрѣлками и казаками бросился во вторую часть урды.

Защитники батареи и сарбазскаго двора, нѣсколько опомнившись, встрѣтили колонну сильнымъ огнемъ, но стрѣлки и казаки безъ выстрѣла овладѣли заваломъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія переколоты штыками защитниковъ батареи, которые почти всѣ легли у своихъ орудій; только нѣкоторые изъ нихъ пробовали спастись, бросаясь въ рѣчку съ высокаго обрыва.

Первымъ перелѣзъ черезъ заваль и вскочилъ на батарею начальникъ колонны капитанъ Куропаткинъ въ сопровожденіи трехъ стрѣлковъ—Федора Сикидина, Евстафія Шнукова и горниста Ивана Карабанова. Минуть 10 спустя, послѣ того какъ штурмовая колонна вступила въ кишлакъ, прибылъ эшелонъ войскового старшины Герасимова (дивизіонъ артилеріи и три сотни казаковъ) и артилерія тотчасъ же заняла позицію на вершинѣ обрыва надъ кишлакомъ для обстрѣливанія дороги изъ Учъ-Кургана въ Маргеланъ.

2-я Оренбургская и 2-я Сибирская сотни и ракетная батарея были приготовлены для поддержанія штурмовой колонны, а 5-я Орен-

бургская и 5-я Сибирская сотни выстроились за правым флангом уступомъ и были готовы двигаться на перерѣзъ неприятелю, если бы онъ вздумалъ броситься по Маргеланской дорогѣ. Вскорѣ показались вдали значительныя массы неприятеля, направлявшагося изъ кишлака противъ праваго фланга расположенія главныхъ силъ отряда. Открытый противъ нихъ съ близкаго разстоянія артиллерійскій огонь заставилъ ихъ повернуть назадъ и затѣмъ эти массы, потерявъ большой уронъ, были окончательно разсѣяны двинутыми противъ нихъ 5-й Оренбургской и 5-й Сибирской сотнями. Въ это же время есаулъ Мелянинъ изрубилъ значительныя толпы неприятеля, пытавшагося прорваться на вьючную Каратегинскую дорогу.

— Считая занятіе урды обезпеченнымъ и не находя преслѣдованіе разсыпавшихся въ разныя стороны небольшихъ конныхъ партій вѣнъ кишлака удобнымъ въ виду утомленія лошадей и темноты, начальникъ отряда приказалъ всѣмъ остальнымъ частямъ отряда двинуться въ кишлакъ, имѣя въ головѣ и въ хвостѣ спѣшенныя казачьи части. Весь отрядъ на ночь былъ расположенъ въ урдѣ.

— Трофеями этого дѣла были 5 мѣдныхъ орудій, болѣе 100 фальконетовъ, собственные бунчуки и щиты Пулатъ-хана и его наиба Абдулла-Мумына, множество разнаго рода оружія, пороха и артиллерійскихъ снарядовъ, все имущество Пулатъ-хана и болѣе 200 принадлежавшихъ ему верблюдовъ. Уронъ неприятеля былъ огромный.

— Вся его пѣхота, защищавшая урду и орудія, была переколота, кавалерія частью уничтожена, частью разсѣялась; самъ Пулатъ-ханъ едва спасся съ 10-ю джигитами, забывъ второпяхъ даже костыль, съ которымъ онъ всегда ходилъ, вслѣдствіе перелома ноги во время ночного нападенія на его лагерь 4-го октября 1875 года. Наши потери, благодаря неожиданности, были незначительны. Онѣ заключались въ шести раненыхъ (въ томъ числѣ два джигита) и въ пяти контуженныхъ.

— По распредѣленіи всего нашего отряда въ урдѣ на ночлегъ, тотчасъ было написано и отправлено донесеніе начальнику Наманганскаго дѣйствующаго отряда о взятіи Учъ-Кургана и приказаніе капитану Юнову возвратиться на другой день съ пѣхотой въ Ассакѣ.

— Обратное движеніе отряда началось на другой день только въ 10 часовъ утра, вслѣдствіе необходимости переловить казенныхъ верблюдовъ и отыскать лошадей подъ отбитыя орудія и для своза имущества Пулатъ-хана.

Погода 28-го января стояла сырая и весь день шелъ сильный снѣгъ, вслѣдствіе чего рѣшено было вести отрядъ безостановочно до

Ассакѣ, куда онъ и прибылъ только къ 11-ти часамъ ночи, сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 60-ти верстъ. Благодаря распорядительности капитана Юнова, въ Ассакѣ ко времени прихода отряда были уже приготовлены юрты, сварена пища и заготовленъ фуражъ, такъ что утомленные люди, сдѣлавшіе въ послѣдніе 1½ сутки около 150 верстъ, тотчасъ были накормлены и расположились на отдыхъ. Кромѣ того, капитанъ Юновъ весьма предусмотрительно выслалъ къ кишлаку Нязъ-Батырь 40 арбяныхъ лошадей, которые смѣнили усталыхъ лошадей подъ отбитыми орудіями. Утромъ, 29-го января, въ Ассакѣ прибыли 15 орудій, одна мортира и снаряды, присланные изъ Маргелана. По свѣдѣніямъ оказалось, что извѣстіе о нашей побѣдѣ въ Учъ-Курганѣ понудило жителей Маргелана выслать немедленно свои орудія къ намъ.

— По приказанію начальника Наманганскаго дѣйствующаго отряда, 29-го января, отрядъ ротмистра барона Меллера-Закомельскаго двинулся изъ кишлака Ассакѣ и къ 11-ти часамъ вечера уже былъ въ Анджеганѣ.

— Донося о штурмѣ укрѣпленнаго кишлака Учъ-Курганъ временно командующему Наманганскимъ дѣйствующимъ отрядомъ, флигель-адъютантъ баронъ Меллеръ-Закомельскій свидѣтельствуетъ, что всѣ гг. офицеры, казаки и солдаты исполнили трудный переходъ молодцами и что во время атаки и штурма Учъ-Кургана въ особенности заслужили похвалу и отличились: начальникъ штурмовой колонны, причисленный къ генеральному штабу капитанъ Куропаткинъ, командиръ 1-й Сибирской сотни сотникъ Десятовъ, командиръ 2-го эскадрона конныхъ стрѣлковъ прапорщикъ Кудрявцевъ и командиръ 1-й Оренбургской сотни есаулъ Мелянинъ, а также сотникъ Байтоковъ, всѣ распросныя свѣдѣнія котораго о неприятелѣ были весьма полезны и подтвердились вполне ¹⁾.

— Съ своей стороны начальникъ Наманганскаго дѣйствующаго отряда Свиты Его Величества генералъ-майоръ Скобелевъ въ рапортѣ временнокомандующему войсками Туркестанскаго военнаго округа ²⁾ называетъ штурмъ Учъ-Кургана «поистинѣ молодецкимъ подвигомъ, свидѣтельствующимъ о высокомъ нравственномъ духѣ кавалеріи вѣреннаго ему отряда» и выражаетъ надежду, что этотъ подвигъ удостоится благосклоннаго вниманія начальства.

Какъ уже было сказано ранѣе, послѣ цѣлаго ряда побѣдъ, одер-

¹⁾ Рапортъ отъ 31-го января 1876 г., № 20.

²⁾ Рапортъ отъ 2-го февраля 1876 г., № 111.

жанныхъ русскими и закончившихся блестящимъ штурмомъ Учъ-Кургана, возмутившіея элементы населенія Коканскаго ханства окончательно убѣдились въ томъ, что борьба съ русскими имъ не по силамъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть мирнаго и трудолюбиваго населенія, сильно страдавшаго отъ междоусобій, никогда не сочувствовала безпокойному меньшинству, возбуждавшему остальныхъ къ мятежамъ, лишь благодаря насилію, и въ глубинѣ души всегда симпатизировала русскимъ, подъ управленіемъ которыхъ населеніе могло безбоязненно предаваться своимъ обычнымъ занятіямъ. Мѣстные жители совершенно искренно радовались, когда депутации отъ важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ Маргелана, Оша, Кокана, Узгена и многихъ другихъ одна за другой являлись въ Андижанъ для изъявленія начальнику Наманганскаго дѣйствующаго отряда Свиты Его Величества генераль-маіору Скобелеву покорности и выраженія желанія перейти въ подданство Бѣлаго Царя. Ясно выраженное желаніе болѣе части населенія сдѣлаться подданными Государя Императора и двусмысленное поведеніе нашего кандидата на коканскій престолъ, Насръ-Эддина, уже доказавшаго на дѣлѣ свое безсиліе и неумѣніе справиться съ своимъ положеніемъ, несмотря на мощную поддержку русскихъ, а за послѣднее время поддавшагося враждебному вліянію фанатическаго мусульманскаго духовенства, которому онъ, въ надеждѣ усилить этимъ свою власть, покліялся даже не прекращать «хазавата» до послѣдней возможности, а также необходимость принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ водворенію въ ханствѣ спокойствія, для улучшенія благосостоянія края, разстроенаго въ конецъ народными волненіями—все это привело Туркестанскаго генераль-губернатора къ мысли о необходимости присоединенія Коканскаго ханства къ Россійской Имперіи.

Испросивъ на это Высочайшее соизволеніе, Туркестанскій генераль-губернаторъ и командующій войсками Туркестанскаго военного округа отдалъ приказаніе занять столицу ханства г. Коканъ нашими войсками, входившими въ составъ Наманганскаго дѣйствующаго отряда. Исполняя это приказаніе, начальникъ отряда генераль Скобелевъ двинулъ войска къ городу Кокану нѣсколькими колоннами, движеніе которыхъ походило на триумфальное шествіе, такъ какъ повсюду войска были встрѣчаемы массами народа, выходившаго для изъявленія покорности, а ночью путь ихъ освѣщался кострами.

Въ кишлакѣ Акъ-мулла, въ 16-ти верстахъ отъ горъ Кокана, ге-

нераль Скобелевъ былъ встрѣченъ 7-го февраля депутаціей отъ столицы, передавшей ему 29 орудій¹⁾. Въ этотъ же день были заняты нашими передовыми войсками одни изъ городскихъ воротъ Нау-Бу-хара, а на слѣдующій день, 8-го февраля, въ 11 часовъ утра, войска вступили въ городъ и заняли урду (ханскій дворецъ и цитадель). Кавалерійскій отрядъ флигель-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго присоединился къ отряду генерала Скобелева 7-го февраля, пройдя отъ Андижана 140 верстъ въ 31 часъ. На пути этотъ отрядъ тоже былъ встрѣчаемъ народомъ съ восторгомъ и по просьбѣ жителей Маргелана прошелъ черезъ этотъ городъ, улицы котораго были иллюминированы.

Пѣхота Наманганскаго дѣйствующаго отряда, подъ командой полковника Комарова, выступила изъ кишлака Киргизъ-Курганъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи въ 9 часовъ утра, 6-го февраля, и, пройдя 50 верстъ, прибыла въ кишлакъ Буалды (Бувайды) лишь въ 1 часъ ночи, такъ какъ была задержана около 8-ми часовъ на переправѣ черезъ Сыръ-Дарью. Акъ-Джарскій отрядъ вступилъ въ городъ Коканъ тоже 8-го февраля.

Движеніе всѣхъ колоннъ на соединеніе въ горъ Коканъ было совершенно съ замѣчательною быстротой, причемъ части явились въ полномъ порядкѣ, несмотря на то, что имъ пришлось сдѣлать переходы, значительно превышающіе по величинѣ всѣ общепринятая уставныя нормы. Такъ, напримѣръ, кавалерія прошла изъ Андижана 140 верстъ всего лишь въ 31 часъ, а взводъ пѣшей артилеріи подъ начальствомъ поручика Шоболова прошелъ на соединеніе съ отрядомъ генерала Скобелева и затѣмъ съ нимъ вмѣстѣ болѣе 100 верстъ въ одни сутки.

Высочайшее повелѣніе о присоединеніи Коканскаго ханства къ Россійской Имперіи подъ именемъ Ферганской области, названной такъ по древнему историческому имени верхней части долины рѣки Сыръ-Дарьи, состоялось и было объявлено всенародно въ городѣ Коканѣ 19-го февраля 1876 года лично временно командовавшимъ войсками округа генераль-лейтенантомъ Колпаковскимъ, прибывшимъ для этой цѣли изъ Ташкента.

Такъ совершилось присоединеніе къ Россіи одного изъ самыхъ большихъ средне-азиатскихъ ханствъ съ населеніемъ свыше миліона и съ площадью территоріи, превышающей 2½ тысячи кв. миль, и

¹⁾ При занятіи города Кокана было найдено и отобрано всего 62 орудія и большіе запасы пороха и боевыхъ снарядовъ.

хотя военныя дѣйствія во вновь образованной области еще долго продолжались, но они уже имѣли, такъ сказать, домашній характеръ и заключались, главнымъ образомъ, въ подавленіи мѣстныхъ возстаній и уничтоженіи разбойничьихъ шаекъ, то и дѣло появлявшихся въ разныхъ мѣстахъ области и причинявшихъ много хлопотъ нашей администраціи и войскамъ.

Назначенный 2-го марта 1876 г. военнымъ губернаторомъ вновь образованной Ферганской области и командующимъ войсками, въ ней расположенными, свиты Его Величества генераль-майоръ Скобелевъ со свойственной ему энергіей принялся за дѣло умиротворенія края и водворенія въ немъ прочнаго порядка, при которомъ стали бы невозможными волненія, возникавшія перѣдко изъ-за ничтожныхъ причинъ, а мирное населеніе получило бы полную безопасность и спокойствіе. Причинъ для волненія въ присоединенной области было немало и почва для нихъ была подготовлена предъидущими событіями въ теченіе многихъ лѣтъ. Разнородное и безпокойное населеніе Ферганы издавна привыкло къ беспорядкамъ. Авторитетъ власти поддерживался только силою оружія и суровою расправой, безпощадно примѣнявшейся всюду, гдѣ только замѣчалось малѣйшее неудовольствіе существовавшимъ порядкомъ, причемъ избивались не единичныя личности, а цѣлыя массы. Но и эти средства часто оказывались бессильными...

Все населеніе ханства дѣлилось на племена, сильнѣйшими изъ которыхъ были кипчаки и сарты (узбеки). Эти двѣ главные части населенія Ферганы издавна боролись за преобладаніе въ странѣ, и то одна, то другая изъ нихъ забирали власть въ свои руки. Другія части населенія тоже не всегда были готовы подчиняться установленному правительству и, напримѣръ, каракиргизы, рѣдко спорившіе за преобладаніе въ странѣ, употребляли однако всѣ мѣры къ охраненію своей независимости, а если и подчинялись признанному въ странѣ хану, то такое подчиненіе было скорѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное. Еще тѣ киргизы, которые осенью сходили съ горъ въ долину, признавали хановъ въ силу необходимости; но, напримѣръ, найгуты и абагатцы никогда не подчинялись никакой власти, кромѣ своихъ биевъ, и Худояръ-ханъ въ теченіе 20-ти лѣтъ не могъ заставить ихъ повиноваться.

При подобномъ состояніи страны не было прочнаго правительства и сами ханы такъ и понимали свое положеніе: они нисколько не заботились о сближеніи съ народомъ и объ упроченіи своего престола, а опираясь на свою партію, старались лишь не опустить

времени для личнаго своего обогащенія. Зато и народъ видѣлъ въ своемъ ханѣ не законнаго правителя, а лишь наиболѣе счастливаго изъ многочисленныхъ претендентовъ на престолъ и терпѣлъ его пока не представлялся случай низвергнуть стараго хана и провозгласить новаго, на котораго почему либо возлагались лучшія надежды. Въ случаѣ, если возлагаемыя на новаго избранника надежды народа не оправдывались, его смѣнялъ другой счастливецъ, а примѣръ Худояръ-хана, который во время своего царствованія былъ трижды изгнанъ изъ ханства, показываетъ, что перѣдко случалось даже возвращеніе прежнихъ правителей, уже побывавшихъ у власти. Все это приучило народъ къ анархіи и политическая агитація стала потребностью населенія.

Сохраненіе спокойствія въ такой странѣ являлось, безъ сомнѣнія, дѣломъ чрезвычайно труднымъ, но, благодаря дружнымъ усиліямъ войскъ и администраціи, дѣйствовавшихъ по личнымъ указаніямъ и подъ руководствомъ генерала Скобелева, къ 1-му января 1877 года, т. е. всего лишь черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ присоединенія Коканскаго ханства, мы достигли такихъ результатовъ, какихъ трудно было ожидать. Въ своемъ докладѣ о политическомъ состояніи Ферганской области, представленномъ Туркестанскому генераль-губернатору генераль-адъютанту фонъ-Кауфману 1-му, генераль Скобелевъ говоритъ, что, благодаря удачнымъ мѣрамъ, принятымъ для умиротворенія края, результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи, были положительно блестящи и конецъ бурно-начавшагося 1876 года ознаменовался полнымъ и повсемѣстнымъ спокойствіемъ и даже время сбора зякета и составленія записей для хераджа и тапапа прошло спокойно ¹⁾. Тѣмъ не менѣе онъ находилъ, что дѣло водворенія среди населенія области полного спокойствія далеко еще нельзя было считать законченнымъ, и что для умиротворенія края необходимо было принять цѣлый рядъ мѣръ, строго соображенныхъ съ характеромъ различныхъ частей населенія и той ролью, какую эти части играли въ жизни Коканскаго ханства.

Но мнѣнію генерала Скобелева, хотя большая часть осѣдлаго сартовскаго населенія и встрѣтила приходъ русскихъ вполне сочувственно, но и ея спокойствіе было еще далеко ненадежно и нужно было ждать нѣсколько лѣтъ, пока эта, наиболѣе внушавшая довѣріе

¹⁾ Хераджъ—десятое зерно съ зерновыхъ продуктовъ; тапапа—десятая часть съ неазерновыхъ продуктовъ, напримѣръ: овощей, фруктовъ, хлопка и т. п.

часть населенія, вполне освоится съ своимъ новымъ положеніемъ и во-очію убѣдится въ томъ, что находится подъ владѣтельствомъ русскихъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ пытаться возвращаться къ прежнему порядку, и что мечты о ханскихъ временахъ не имѣютъ никакихъ шансовъ къ осуществленію.

— Въ средѣ населенія осталось много враждебныхъ намъ элементовъ: это тѣ служилые ханскіе люди и преимущественно духовенство, которые съ приходомъ нашимъ потеряли не только прежнее вліяніе, но также и средства къ безбѣдному существованію. Эти люди, хорошо знающіе свою среду и ея слабости, въ надеждѣ вернуть старое, были способны агитировать противъ русскихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что при этомъ они ничего не могли потерять.

— Чтобы оградить населеніе отъ вреднаго вліянія такихъ политически-неблагонадежныхъ личностей, за ними былъ учрежденъ самый строгій надзоръ, а многіе изъ нихъ были даже немедленно арестованы и высланы за предѣлы Ферганы, въ томъ числѣ и Абдурахманъ-автобачи, а также и бывшій коканскій ханъ Насръ-Эддинъ, безпрекословно примирившійся съ совершившимся фактомъ уничтоженія самостоятельности его отечества. вмѣстѣ съ тѣмъ, были приняты самыя энергичныя мѣры къ изытію изъ обращенія среди населенія массы разнаго оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, которые отбирались администраціей въ значительномъ количествѣ, особенно въ первое время.

— Другая часть населенія, кипчаки, со времени сдачи Абдурахмана-автобачи въ Инду-Кишлакъ, честно исполняли слово, данное за нихъ ихъ представителемъ и за все время не дали ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, несмотря на то, что прежде они были самые непримиримые наши враги.

— Ближайшее знакомство съ кипчаками приводитъ къ убѣжденію, что они такъ часто управляли судьбами Коканскаго ханства, не случайно, а благодаря своей безусловной воинственности и способности къ дисциплинѣ. Поэтому можно было быть увѣреннымъ, что серьезные беспорядки въ Ферганской области немислимы, если кипчаки не будутъ принимать въ нихъ дѣятельнаго участія, а это обстоятельство налагало на русскую власть обязанность относиться къ нимъ съ крайнимъ вниманіемъ и осмотрительностью, поставивъ одной изъ главнѣйшихъ, если не самой главной, задачей высшей администраціи въ области—сближеніе съ кипчакскимъ населеніемъ и внушеніе ему къ себѣ довѣрія и уваженія... Какъ со всякимъ на-

родомъ, способнымъ владѣть оружіемъ, съ кипчаками, по мнѣнію генерала Скобелева, слѣдовало обращаться «твердо, но съ сердцемъ»...

Совершенно противоположный типъ представляли изъ себя кара-киргизы, заселяющіе преимущественно восточную и южную часть Ферганской области. Это не тѣ кара-киргизы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ предѣлахъ Семирѣченской области и которые издавна были удалены исторіей отъ растлѣвающего вліянія духовенства и властей Кокана и Кашгара, въ особенности во время распрей между различными отраслями правившихъ ходжей; зная лишь своихъ родовыхъ манавовъ и подчиняясь имъ безусловно, эти кара-киргизы въ значительной степени сохранили тѣ добрыя свойства, которыя характеризуютъ киргизскую расу, а именно, прямоту и честность... Совсѣмъ не таковы были ферганскіе кара-киргизы. Жестокость и безсиліе бывшихъ властителей Ферганы, близость къ правительственнымъ центрамъ и другія причины деморализовали ихъ окончательно. Вслѣдствіе этого они не внушали симпатіи, какъ кипчаки, но и не вызвали также серьезныхъ опасеній. Правда, они способны были надѣлать много хлопотъ, но, вслѣдствіе недостатка единства и совершеннаго отсутствія личной доблести, никогда не могли сдѣлаться грозными. Во всякомъ случаѣ спокойствіе ихъ было лишь кажущимся. Только движеніе нашихъ войскъ лѣтомъ 1876 года въ самое сердце ихъ кочевковъ—Алай, считавшійся неприступнымъ, и избіеніе шайки Джитымъ-хана заставили ихъ подчиниться существующему порядку. Это вынужденное подчиненіе было, разумѣется, далеко не искреннимъ и, по мнѣнію генерала Скобелева, оно должно было оставаться таковымъ до того времени, пока не будетъ окончена большая Алайская дорога, ибо только, сдѣлавъ ихъ труппы доступными, можно было пошатнуть въ нихъ вѣру въ возможность безнаказанно производить беспорядки. Даже разработка небольшого участка дороги отъ г. Оша до укрѣпленія Гульчи имѣла огромное нравственное вліяніе на кочевое населеніе, зимующее въ этой мѣстности.

— Таковъ въ общихъ чертахъ былъ взглядъ генерала Скобелева на характеръ нашихъ отношеній къ различнымъ частямъ населенія Ферганы, въ зависимости отъ его племенныхъ особенностей, взглядъ, придерживаясь котораго на практикѣ, Скобелевъ достигъ такихъ блестящихъ результатовъ въ весьма короткій срокъ.

— Всмотриваясь въ настроеніе какъ кочеваго, такъ и осѣдлаго населенія Ферганы и принимая въ соображеніе все вышеизложенное, генераль Скобелевъ признавалъ необходимымъ, для обезпеченія спокойствія въ области и предупрежденія появленія на будущее время

шакъ барантчей, выставить въ 1877 году на лѣтнее время въ нѣкоторыхъ пунктахъ особые отряды, а именно:

1) На Алаѣ, для наблюденія за кочевымъ населеніемъ и для постоянного освѣщенія мало-алайскаго хребта, на время съ мая мѣсяца, когда позволять снѣга, до сентября, когда кара-киргизы начнутъ спускаться съ лѣтовокъ въ долину, выставить отрядъ изъ одной роты пѣхоты, двухъ горныхъ орудій, роты конныхъ стрѣлковъ и трехъ казачьихъ сотенъ, а какъ дополненіе къ этому отряду поставить въ Наукатѣ для прикрытія долины одну сотню съ двумя ракетными станками.

2) Въ Узгенѣ, или Ойталѣ, для наблюденія за кочевниками восточной части области и отстраненія вреднаго для насъ вліянія присутствія кашгарской власти, въ долину притоковъ Сыръ-Дарья выставить отрядъ изъ одной роты пѣхоты и двухъ горныхъ орудій, а въ дополненіе къ нему поставить въ Базарь-курганѣ и Джалаль-абадѣ полусотню казаковъ для наблюденія за выходами изъ горъ, отдѣляющихъ Ауліатинскій и Ташкентскій уѣзды, въ долину Икесу-арасы, а также, если понадобится, выставить посты въ направленіи къ Чаткалу.

3) Въ Вуадилѣ для наблюденія за сохскими кочевниками выставить отрядъ изъ двухъ сотенъ.

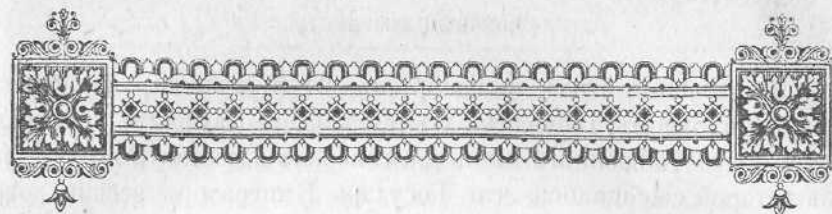
4) Въ Исфарѣ одну роту пѣхоты.

5) Въ Ляйлякѣ полусотню казаковъ, при одномъ ракетномъ станкѣ.

Командующій войсками округа вполне одобрилъ эти предположенія и разрѣшилъ привести ихъ въ исполненіе, при условіи, чтобы занятіе Ойтала было отложено до выясненія начатыхъ уже переговоровъ съ кашгарскимъ бадаулетомъ Якубъ-Бекемъ.

Осуществленіе этого предположенія генерала Скобелева, уѣхавшаго въ дѣйствующую противъ турокъ армію на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, было исполнено его преемникомъ генералъ-майоромъ Абрамовымъ и принесло несомнѣнную пользу дѣлу умиротворенія населенія Ферганы, особенно же кочевниковъ-кара-киргизовъ, убѣдивъ и эту часть населенія области въ томъ, что борьба съ русскими имъ совѣмъ не по силамъ и что имъ необходимо безпрекословно подчиниться требованіямъ русскихъ властей и навсегда отказаться отъ тѣхъ вольностей, которыми они пользовались въ ханскія времена.

А. Серебrenниковъ.

КЪ ИСТОРИИ КОКАНСКАГО ПОХОДА ¹⁾.

(Съ картой).

(Статья первая).

I.

Заключеніе мирнаго договора съ ханомъ Коканскимъ Насръ-Эддиномъ.—Присоединеніе къ Россійской Имперіи части ханства и образованіе Наманганскаго отдѣла.—Возвращеніе генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана въ Ходжентъ.—Положеніе дѣлъ въ Наманганскомъ отдѣлѣ.—Движеніе генерала Скобелева къ Тюря-Кургану и взятіе этого кншлака штурмомъ 23-го октября.—Дѣла подъ Наманганомъ 24-го, 25-го и 26-го октября и штурмъ этого города.—Разбитіе скопищъ кншчаковъ при урочищѣ Ташъ-бала 8-го ноября.—Взятіе штурмомъ кншлака Валькчи 12-го ноября ²⁾.

Хослѣ боя съ огромнымъ скопищемъ коканцевъ подъ Махрамомъ и удачнаго штурма этой крѣпости 22-го августа 1875 г. генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, командовавшій войсками, дѣйствовавшими въ Коканскомъ ханствѣ, всеподданнѣйше донесъ Государю Императору телеграммой объ этомъ событіи и засвидѣтельствовалъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ, что войска вели себя славно, молодецки и что дѣло это было сдѣлано чисто.

Донеся, что непріятель понесъ полное пораженіе и что впечатлѣніе побѣды огромное, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ присовокупилъ, что онъ затрудняется опредѣлить всѣ послѣдствія боя подъ Махрамомъ и рѣшилъ продолжать движеніе на городъ Коканъ, столицу ханства, какъ только придутъ изъ Ходжента интендантскій и артилерійскій транспорты.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1897 г., № 9 и 1899 г., № 4. ²⁾ Статья эта составлена по официальнымъ даннымъ.

Въ ожиданіи этихъ транспортовъ, 24-го августа, на бивакѣ подъ Махрамомъ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ получилъ телеграмму отъ военнаго министра генераль-адъютанта Милотина, въ которой сообщалось, что Государь Императоръ весьма доволенъ успѣшными дѣйствіями противъ коканцевъ нашихъ войскъ, оправдавшихъ и на сей разъ ожиданія Его Величества и что коканцамъ слѣдуетъ нанести примѣрное наказаніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что Государь Императоръ желаетъ, чтобы безъ крайней необходимости наши войска не оставались въ коканскихъ владѣніяхъ и что, благодаря громадному разстоянію, недостатку средствъ передвиженія и неблагоприятному для этого времени года, не представлялось возможнымъ рассчитывать въ скоромъ времени на прибытіе съ Волги подкрѣпленій, которыя понадобились бы въ этомъ случаѣ.

Такимъ образомъ вопросъ объ участи Коканскаго ханства даже на случай полного успѣха дѣйствій нашихъ войскъ предрѣшался и притомъ въ смыслѣ крайне благоприятномъ для коканцевъ и столь же нежелательномъ для насъ.

Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, которому положеніе дѣлъ въ Туркестанѣ было отлично извѣстно, никакъ не могъ согласиться съ подобнымъ рѣшеніемъ вопроса и въ тотъ же день телеграфировалъ военному министру, что если не занять Коканское ханство, то въ случаѣ переворота въ Бухарѣ подобнаго тому, какой случился теперь въ Коканѣ, мы не будемъ имѣть средствъ противостать мусульманскому движенію столь же энергично и успѣшно, такъ какъ нельзя будетъ ручаться, что повтореніе подобной вспышки въ Бухарѣ не вызоветъ къ участию въ дѣйствіяхъ противъ насъ и Кашгара, причемъ коканцы, какъ бы они ни были наказаны теперь, безъ сомнѣнія, двинутся противъ насъ и тогда намъ придется дѣйствовать на двѣ стороны сразу.

По мнѣнію генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана настоящія событія указывали на то, что намъ положительно необходимо занять въ Коканскомъ ханствѣ выгодную позицію, что войска Туркестанскаго округа необходимо усилить нѣсколькими частями и что если эти части будутъ отправлены немедленно, то онѣ успѣютъ прибыть въ Ташкентъ въ концѣ октября, или въ началѣ ноября, т. е. по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ въ довольно благоприятное время года.

Хотя Государю Императору и неблагоприятно было вполне согласиться съ доводами генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана отно-

сительно необходимости занятія Коканскаго ханства нашими войсками и ему предложено было установить въ ханствѣ туземное правленіе по примѣру Хивы, но тѣмъ не менѣе сдѣлано было распоряженіе объ усиленіи войскъ края сформированіемъ двухъ линейныхъ баталіоновъ и выкомандированіемъ изъ Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ четырехъ сотенъ.

Вслѣдъ за этимъ военный министръ сообщилъ, что Государь Императоръ изволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ прочесть двѣ телеграммы о сдачѣ Кокана и признаніи хана—Зада—ханомъ коканскимъ, благодаря чему осуществляется Высочайшая воля и окончательно устраняется необходимость занятія ханства нашими войсками и что отъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана зависить оставить на время наблюдательный отрядъ, гдѣ онъ признаетъ это нужнымъ, не предрѣшая лишь вопроса о пограничной линіи впредь до болѣе подробнаго письменнаго разъясненія ¹⁾.

Это послѣднее обстоятельство дало генераль-адъютанту фонъ-Кауфману возможность подробно высказать свои взгляды ²⁾ на данный вопросъ и соображенія, по которымъ было необходимо занять нашими войсками если не все ханство, то, по крайней мѣрѣ, присоединить къ нашимъ владѣніямъ часть его, находящуюся на правомъ берегу рѣкъ Сыръ-Дарья и Нарына и составлявшую Наманганское бекство. Наманганское бекство было присоединено къ Россійской Имперіи съ образованіемъ изъ него Наманганскаго отдѣла.

Присоединеніе Наманганскаго отдѣла представлялось чрезвычайно выгоднымъ и необходимымъ по разнымъ соображеніямъ.

Какъ показали послѣднія событія, въ населеніи Коканскаго ханства въ лицѣ кипчаковъ, каракиргизовъ и другихъ полуосѣдлыхъ родовъ, населявшихъ преимущественно восточную часть ханства, существовалъ такой элементъ, который представлялъ дикую, необузданную силу, отличался воинственностью и былъ всегда склоненъ къ насиліямъ и безпорядку.

Кипчаки и каракиргизы были всегда грозой для прочихъ народностей ханства, далеко не всегда подчинялись власти хана и если до событій, имѣвшихъ мѣсто въ августѣ 1875 года, не было случаевъ проявленія враждебнаго настроенія этихъ народностей собственно противъ русскихъ, то лишь только потому, что главная масса кочевьевъ ихъ удалена отъ нашей границы, а также и

¹⁾ Телеграмма отъ 3-го сентября 1875 г. изъ Батурина. ²⁾ Письмо военному министру отъ 13-го сентября.

вслѣдствіе того, что необузданные и своевольные кипчаки и каракиргизы заняты были своими дѣлами и счетами съ Коканскимъ ханомъ и сдерживались его сильной и твердой рукой.

Все ханствованіе Худояръ-хана представляетъ рядъ войнъ и борьбы его съ этимъ непокорнымъ, войнолюбивымъ элементомъ подвластнаго ему населенія.

Въ іюль 1875 года Худояръ-ханъ не устоялъ, однако, въ этой борьбѣ, что и вызвало катастрофу, причемъ событія сложились такъ, что силою нашего оружія кипчакамъ и каракиргизамъ былъ нанесенъ ударъ и они получили хорошій урокъ и если бы Коканское ханство было занято русскими войсками и присоединено къ нашимъ владѣніямъ, то рядомъ послѣдующихъ мѣропріятій намъ легко было бы окончательно привести ихъ къ порядку и подчинить нашимъ требованіямъ.

Въ случаѣ же, если бы наши войска должны были возвратиться изъ Коканскаго ханства, не было бы увѣренности, что смирившееся подъ нашими ударами населеніе ханства снова не произведетъ беспорядковъ и волненій въ ханствѣ, тѣмъ болѣе, что новый ханъ коканскій Сеидъ-Магометъ Насръ-Эддинъ-ханъ въ первое время своего правленія не могъ имѣть ни матеріальныхъ средствъ, ни опытности въ управленіи страной, ни, наконецъ, твердости характера, необходимыхъ для того, чтобы держать въ повиновеніи столь безпокойное населеніе.

У Насръ-Эддинъ-хана не было даже войска, такъ какъ бывшая при его отцѣ вооруженная сила была вся распущена по домамъ и требовалось не мало времени и денежныхъ средствъ на сформированіе и организацію въ ханствѣ новыхъ войскъ, равно какъ требовалось не мало времени и на то, чтобы молодой ханъ, еще не опытный въ дѣлахъ правленія, выбралъ себѣ достойныхъ помощниковъ.

При такихъ условіяхъ не было никакихъ основаній рассчитывать, что только-что возстановленное спокойствіе въ ханствѣ долго сохранится и можно было быть увѣреннымъ, что новый ханъ при всемъ съ его стороны желаніи не будетъ имѣть возможности выполнить всѣхъ условій мирнаго договора и что съ уходомъ русскихъ войскъ за предѣлы ханства не замедлятъ повториться только-что совершившіяся событія.

Положеніе дѣлъ въ Коканскомъ ханствѣ было тождественно съ тѣмъ, какое мы застали въ 1873 году въ ханствѣ Хивинскомъ и которое было парализовано лишь благодаря присоединенію къ

Имперіи части территоріи ханства на правомъ берегу рѣки Аму-Дарьи и расположеніемъ тамъ самостоятельнаго отряда, готоваго во всякое время двинуться вглубь ханства для подавленія волненій, поддержанія хана и возстановленія порядка.

Такъ же точно и тутъ намъ необходимо было самимъ взять дѣло въ руки, а для сохраненія порядка и спокойствія въ ханствѣ противопоставить непокорному, необузданному элементу населенія восточной части ханства нашу вооруженную силу, которая могла бы во всякое данное время быстро появляться среди возмущившихся и наказывать ихъ за всякую попытку къ нарушенію общаго спокойствія.

Для достиженія этой цѣли представлялось совершенно необходимымъ занять нашимъ отрядомъ позицію на территоріи ханства на правомъ берегу Сыръ-Дарьи въ такъ называемомъ Наманганскомъ бекствѣ, устроить хорошую переправу черезъ рѣку по мосту и владѣть всѣми остальными переправами черезъ эту рѣку на протяженіи отъ слиянія рѣкъ Нарына и Кара-Дарьи внизъ до Ходжента.

Въ стратегическомъ отношеніи позиція въ Наманганѣ, занимающемъ центральное положеніе относительно всего Коканскаго ханства, должна была быть признана весьма удобной.

Владѣя Наманганомъ и имѣя въ составѣ расположеннаго на правомъ берегу р. Сыръ-Дарьи отряда значительную подвижную часть, можно было слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Коканскомъ ханствѣ и, въ случаѣ надобности, направлять свои удары или въ сторону города Кокана, столицы ханства, или въ земли кипчаковъ и каракиргизовъ.

При такомъ положеніи спокойное, мирное развитіе дѣлъ въ ханствѣ могло бы считаться вполне обезпеченнымъ, а наша граница—безопасной съ этой стороны.

Другая существенная выгода занятія праваго берега Сыръ-Дарьи заключалась въ томъ, что граница наша съ Коканскимъ ханствомъ отстояла всего лишь въ 80—100 верстахъ отъ Ташкента—центра нашей власти въ Средней Азій, средоточія всѣхъ правительственныхъ учрежденій, торговли и складовъ товаровъ и это обстоятельство побуждало, конечно, отнести границу возможно далѣе, дабы сдѣлать такой важный пунктъ возможно болѣе безопаснымъ на случай повторенія событій, подобныхъ тѣмъ, какія имѣли мѣсто въ началѣ августа 1875 г., когда непріятельскія шайки появились вблизи отъ Ташкента и распространили въ средѣ

туземнаго населенія такую панику, о которой свидѣлствуютъ всѣ очевидцы этихъ событій.

Правда, замѣшательство продолжалось весьма недолгое время и населеніе быстро успокоилось, какъ только непріятельскія скопища, вторгнувшіяся въ наши предѣлы, были вездѣ отбиты и прогнаны за границу, но все это объясняется лишь тѣмъ, что наши войска дѣйствовали безусловно успѣшно; но случилось иначе, имѣй коканцы хотя бы одинъ малѣйшій успѣхъ, дѣло могло бы очень усложниться, такъ какъ подвластное намъ туземное населеніе свѣжо еще помнило нападенія на него кичаевскихъ и киргизскихъ ордъ во времена, предшествовавшія нашему владычеству, кончавшіяся для нихъ обыкновенно потерей или жизни, или всего достоянія и, разумѣется, не замедлило бы принять сторону сильнаго, какъ это практикуется у всѣхъ азіатскихъ народовъ и о чемъ свидѣлствуютъ многіе историческіе примѣры.

Съ занятіемъ же Намангана и праваго берега Сыръ-Дарьи до впаденія въ нее Нарына наша граница съ Коканскимъ ханствомъ отодвигалась съ этой стороны слишкомъ на 250 верстъ отъ Ташкента, что въ совокупности съ выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ новой позиціи въ Наманганѣ по отношенію къ Коканскому ханству, на берегу рѣки, почти неимѣющей бродовъ, совершенно обезпечивало и дѣлало безопаснымъ отъ всякихъ случайностей этотъ важный административный, военный и торговый центръ, подвергать который вторично случайностямъ было бы крайне неосторожно и рискованно.

Настоящая минута была самой удобной для того, чтобы измѣнить такое ненормальное и невыгодное положеніе главнаго центра нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній и сдѣлать его вполне внутреннимъ пунктомъ этихъ владѣній, тѣмъ болѣе, что все сказанное относительно Ташкента всецѣло относилось также и до Кураминскаго уѣзда, мирное и спокойное развитіе жителей котораго, густо населяющихъ богатыя, многоводныя и чрезвычайно плодородныя долины рѣкъ Ангрена и въ особенности Чирчика, было, безъ сомнѣнія, крайне желательно.

Занятіе нами Наманганскаго раіона дѣлало болѣе безопаснымъ также и нашъ Аулія-Атинскій уѣздъ, по которому проходилъ почтовый трактъ и единственная въ то время телеграфная линія, связывавшая Туркестанскій край съ Россіей и на границахъ котораго во время коканскихъ волненій появлялись непрі-

тельскія шайки, которыя почти безнаказанно могли прекратить всякое сообщеніе—почтовое и телеграфное.

Наконецъ, занятіе Наманганскаго раіона было весьма выгодно и въ томъ еще отношеніи, что мы ближе связывались съ нашимъ Нарынскимъ краемъ, который до того времени находился совершенно на отлетѣ, на вѣсѣ, былъ далекъ отъ резервовъ и почти безпомощенъ въ случаѣ внезапнаго открытія притивъ него враждебныхъ дѣйствій со стороны Кашгара, такъ какъ единственное наше укрѣпленіе Нарынское съ гарнизономъ, состоявшимъ всего лишь изъ одной роты пѣхоты и сотни казаковъ, было, разумѣется, слишкомъ недостаточно для отраженія сколько-нибудь значительныхъ непріятельскихъ силъ со стороны Кашгара.

Ближайшая помощь могла быть послана въ Нарынъ изъ города Каракола ¹⁾, т. е. за 250 верстъ горной дороги и притомъ въ самомъ ограииченномъ количествѣ, такъ какъ Караколь, находящійся въ центрѣ многочисленнаго кочеваго населенія Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, въ средѣ котораго всегда могли явиться элементы, склонные къ возстанію, не могъ быть оставленъ безъ значительнаго гарнизона, тѣмъ болѣе, что изъ него же пришлось бы выдѣлать также части войскъ и на Кашгарскую границу для охраны прохода Музартъ и другихъ ущелій Тянь-Шаня. Другіе пункты квартированія нашихъ войскъ находились отъ Нарынскаго укрѣпленія еще далѣе, а именно Вѣрный—въ 305 верстахъ, Копаль—въ 654 верстахъ и, наконецъ, Ташкентъ—главный резервъ, изъ котораго можно было, въ случаѣ надобности, послать значительный отрядъ въ Нарынскій край, находился въ 850 верстахъ.

При занятіи же Наманганскаго раіона, въ случаѣ нападенія кашгарцевъ на Нарынское укрѣпленіе, представлялось возможнымъ направить часть войскъ изъ Намангана, отстоящаго отъ Нарынскаго укрѣпленія всего лишь на 350 верстъ, въ предвидѣніи чего необходимо было лишь устроить заблаговременно хорошую дорогу, разработка которой, впрочемъ, была полезна не только въ военномъ отношеніи, но необходима также и для оживленія и облегченія существовавшихъ уже торговыхъ сношеній Нарынскаго раіона съ Наманганскимъ, а слѣдовательно и со всѣмъ Коканскимъ ханствомъ.

Временное оставленіе нашего отряда въ предѣлахъ Коканскаго ханства, какъ предлагалось изъ Петербурга, генераль-адъютантъ

¹⁾ Нынѣ Пржевальскъ.

фонъ-Кауфманъ считалъ совершенно безцѣльнымъ, такъ какъ на продолжительный срокъ оставлять его не представлялось возможнымъ въ виду того, что на все это время пришлось бы совершенно отказаться отъ правильнаго веденія строевыхъ занятій и хозяйства, благодаря чему, частямъ отряда былъ бы нанесенъ значительный ущербъ, а оставлять на короткій срокъ, не болѣе полутора-двухъ мѣсяцевъ, было безцѣльно въ виду того, что за это время молодой ханъ коканскій не въ состоянн былъ бы настолько укрѣпиться и упрочить свою власть, чтобы можно было совершенно успокоиться за будущее въ его владѣнiяхъ и рассчитывать на то, что волненiя снова не повторятся.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображенiй, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ считалъ необходимымъ настаивать на совершенномъ занятii нами бывшаго Наманганскаго бекства и на присоединенii его къ Россiйской Имперii, почему въ письмѣ, отправленномъ 13-го сентября съ бивака подъ городомъ Маргеланомъ и просилъ военнаго министра какъ объ исходатайствованнiи Высочайшаго повелѣнiя на присоединенiе части территорii Коканскаго ханства, съ образованiемъ изъ нея Наманганскаго отдѣла, такъ равно и объ увеличенii численности войскъ округа, вызываемомъ необходимостью держать въ Наманганскомъ отдѣлѣ достаточно сильный самостоятельный отрядъ, сила котораго опредѣлялась, въ зависимости отъ роли его и положенiя дѣла въ Коканскомъ ханствѣ, въ три баталiона пѣхоты, двѣ батареи и восемь казачьихъ сотенъ.

Въ ожиданii Высочайшаго повелѣнiя относительно присоединенiя къ Россiйской Имперii части территорii Коканскаго ханства генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ пригласилъ въ Маргеланъ коканскаго хана Насръ-Еддина для установленiя съ нимъ условii мирнаго договора, который долженъ былъ служить основанiемъ нашихъ отношенiй къ ханству, нарушенныхъ послѣ сверженiя Худояръ-хана.

Условiя эти были скоро выработаны и 22-го сентября 1875 года, или по мусульманскому исчисленii Рамазана четвертаго дня 1292 года въ лагерѣ подъ Маргеланомъ между туркестанскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ и Сеидъ-Магометъ-Насръ-Еддинъ-ханомъ коканскимъ былъ заключенъ договоръ, по которому коканскiй ханъ призналъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссiйскаго и отказался отъ всякихъ непосредственныхъ и дружескихъ сношенiй съ сосѣдними владѣ-

Этотъ договоръ былъ написанъ въ двухъ экземплярахъ и на трехъ языкахъ: русскомъ, тюркскомъ и персидскомъ и подписанъ съ одной стороны туркестанскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, а съ другой—Сеидъ-Магометъ-Насръ-Еддинъ-ханомъ коканскимъ, причемъ одинъ его экземпляръ поступилъ на храненiе въ архивахъ Россiйской Имперii, а другой—у ханскаго правительства.

Дополнительными обязательствами къ этому договору, предложенными туркестанскимъ генераль-губернаторомъ и принятыми ханомъ коканскимъ, опредѣлялись отношенiя коканскаго правительства къ начальнику нашихъ войскъ въ Наманганскомъ отдѣлѣ, опредѣлялось, что для рѣшенiя болѣе важныхъ вопросовъ, касающихся обѣихъ сторонъ, ханъ коканскiй и туркестанскiй генераль-губернаторъ должны были сѣзжаться въ одномъ изъ пограничныхъ пунктовъ, избранномъ по взаимному соглашенii, а также опредѣлялся порядокъ уплаты пени, наложенной въ размѣрѣ 125,000 рублей на Маргеланское бекство за то, что нарушитель общественнаго спокойствiя и главный вождь движенiя противъ Россii Абдурахманъ-Автобача, не смотря на объявленiя хана и генераль-губернатора, находилъ прiютъ и продовольствiе для своихъ войскъ въ Маргеланскомъ бекствѣ въ продолженii 10-ти дней.

Эти дополнительные обязательства были написаны на русскомъ и тюркскомъ языкахъ и снабжены подписью и печатью хана 22-го сентября 1875 года.

По заключенii договора генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ направился со всѣмъ дѣйствующимъ отрядомъ 23-го сентября изъ-подъ Маргелана прямой дорогой къ Намангану, куда и прибылъ 26-го сентября, переправившись наканунѣ черезъ рѣку Сыръ-Дарью у Минь-Булака. Расположивъ болъшую часть отряда бивакомъ вблизи города, а остальной частью занявъ городскую урду¹⁾, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ предполагалъ пребыть здѣсь болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы лично организовать управленiе вновь образованнаго Наманганскаго отдѣла и устроить оставляемый тамъ отрядъ войскъ, но тотчасъ же по прибытii дѣйствующаго отряда въ Наманганъ были получены тревожныя свѣдѣнiя о томъ, что только-что возстановленное спокойствiе въ Коканскомъ ханствѣ было вновь нарушено кипчаками и киргизами, которые, подъ предводительствомъ главнѣйшихъ вожаковъ

¹⁾ Урда—цитадель, кремль.

Абдурахмана-Автобачи и Пулатъ-хана, заняли гор. Андижанъ и провозгласили газавать ¹⁾).

Чтобы подавить возстаніе и не дать ему распространиться изъ восточной части по всей территоріи ханства, а также чтобы нака-зать мятежниковъ, такъ недавно еще заявлявшихъ о полной покорности русскимъ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ отпра-вилъ къ Андижану отрядъ подъ начальствомъ свиты Его Величе-ства генераль-маіора Троцкого въ составѣ трехъ ротъ 2-го и двухъ ротъ 4-го туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, команды са-перъ, одной конно-казачьей батареи, 3¹/₂ сотенъ казаковъ и ракет-наго дивизиона.

Этотъ отрядъ, численностью въ 1,400 человекъ при восьми конныхъ орудіяхъ и четырехъ ракетныхъ станкахъ, выступилъ изъ Намангана утромъ 28-го сентября, причемъ для ускоренія движе-нія люди пѣхоты были посажены на арбы.

2 Какъ извѣстно, въ періодъ съ 28-го сентября по 8-е ноября произошли весьма важныя событія—гор. Андижанъ былъ штурмо-ванъ отрядомъ генерала Троцкого, большая часть его, а также окрестные кишлаки были сожжены и разорены, а жители примѣрно наказаны за ихъ вѣроломство!

Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, долго не получая извѣстій и опасаясь за участь малочисленнаго отряда генерала Троцкого, выступилъ изъ Намангана съ частью войскъ по направленію къ Андижану, но утромъ 5-го октября встрѣтилъ около кишлака Джиты-Кашка отрядъ генерала Троцкого, возвращавшійся уже послѣ удачнаго штурма Андижана. Соединившись здѣсь, оба отряда сдѣлали дневку, а 8-го ноября уже были въ Наманганѣ.

2 Возвратившись въ Наманганъ, главный начальникъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Коканскомъ ханствѣ, занялся распоряженіями о приспособленіи городской цитадели къ оборонѣ, устройствомъ въ ней помѣщеній, складовъ и лазарета для отряда, который дол-женъ былъ остаться во вновь присоединенномъ Наманганскомъ отдѣлѣ.

Когда значительная часть работъ по приспособленію Наманганской цитадели къ помѣщенію въ ней нашего отряда была испол-нена и дальнѣйшее продолженіе ихъ и окончаніе могло быть ве-дено средствами одного отряда, оставляемаго въ Наманганѣ, гене-раль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 16-го октября выступилъ изъ

телями и ханами, и отъ заключенія съ ними какихъ-либо торго-выхъ и другихъ договоровъ, а также обязался не предпринимать безъ вѣдома и разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи никакихъ военныхъ дѣйствій (§ 1).

Всѣ земли, лежація на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, начиная отъ прежней границы противъ урочища Абхурека вверхъ по рѣкѣ до впаденія въ нее рѣки Нарына и далѣе по правому берегу этой послѣдней, до прежней границы русскихъ владѣній на Нарынѣ, вблизи Кетмень-Тюбе ханъ коканскій уступилъ Россіи (§ 2), во владѣніе которой перешли также и всѣ переправы черезъ Сыръ-Дарью и Нарынъ по всей новой пограничной линіи и которая получила право устраивать впредь, гдѣ признаетъ нужнымъ, какъ переправы, такъ и мосты.

Подобное право коканскому хану не предоставлялось, Рос-сія же, кромѣ того, получила право располагать на лѣвомъ кокан-скомъ берегу этихъ рѣкъ такую полосою земли, какая нужна для полнаго обезпеченія переправъ и мостовъ отъ всякихъ случайнос-тей, а слѣдовательно, и строить въ тѣхъ мѣстахъ укрѣпленія, если то будетъ признано нужнымъ, располагая и всей землей, потребной для эспланады передъ укрѣпленіями (§ 3).

2 Крѣпость Махрамъ, какъ построенную съ цѣлью сопротивленія Россіи, ханъ коканскій обязался упразднить, а стѣны ея раз-рушить (§ 4).

Въ тѣхъ мѣстахъ на коканскихъ берегахъ Сыръ-Дарьи и На-рына, гдѣ окажется необходимымъ и удобнымъ, русскіе получили право устраивать свои пристани и склады для товаровъ, причемъ наблюденіе за безопасностью и сохранностью этихъ пристаней и складовъ возлагалось на коканское правительство, а утвержденіе выбранныхъ мѣстъ для пристаней предоставлялось высшей рус-ской власти въ Средней Азіи.

Подобнымъ же правомъ устройства пристаней и складовъ на правомъ (русскомъ) берегу Сыръ-Дарьи и Нарына могли пользо-ваться коканскіе подданные, причемъ наблюденіе за сохранностью и безопасностью ихъ пристаней и складовъ приняло на себя рус-ское правительство (§ 5).

Коканское правительство обязалось уплатить всѣ расходы русской казны, вызванные послѣдней войной съ ханствомъ, а также пополнить всѣ убытки частныхъ лицъ и обществъ, понесен-ные русскими подданными отъ внезапнаго вторженія коканскихъ войскъ въ русскіе предѣлы.

¹⁾ Газавать, или газавъ—священная война, война противъ невѣрныхъ.

Размѣръ потребной на это суммы былъ опредѣленъ въ 600,000 рублей, уплата которыхъ, въ виду разстроеннаго положенія ханства, расхищенія ханской казны и недостаточности наличныхъ денегъ въ рукахъ коканскаго правительства была разсрочена слѣдующимъ образомъ: 250,000 рублей къ 1-му декабря 1875 г. 150,000 рублей къ 1-му мая 1876 г. и 200,000 рублей къ 1-му декабря 1876 года (§ 6).

Кромѣ того, коканское правительство обязалось вносить въ русскую казну ежегодно къ 1-му ноябрю, начиная съ 1876 года, по 500,000 рублей, причемъ на случай неисправной уплаты русское правительство получало право принимать такія мѣры, какія оно признаетъ необходимымъ для обезпеченія полученія слѣдующихъ ему денегъ (§ 7).

Всѣ города и селенія Коканскаго ханства, безъ исключенія, открывались для русскихъ купцовъ, равно какъ и всѣ русскіе рынки становились доступными торговцамъ коканскимъ, причемъ правительство и высшая русская власть въ Средней Азіи обязаны блюсти за правильностью торговыхъ отношеній между подданными Россійской Имперіи и ханства Коканскаго, а также за тѣмъ, чтобы пошлина, опредѣленная на русскіе товары въ размѣрѣ $2\frac{1}{2}\%$ ихъ стоимости, не измѣнялась произвольно (§ 8—16).

Русскимъ подданнымъ предоставлялось право заниматься разработкою естественныхъ богатствъ въ ханствѣ, т. е. залежей металловъ, каменнаго угля и нефтяныхъ источниковъ и устраивать въ предѣлахъ ханства всякаго рода фабрики, заводы и приобретать подъ нихъ земельные участки.

Правительство коканское обязалось ни въ какомъ случаѣ не принимать къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволенія на то вида отъ русской власти, выдавать преступниковъ и ни въ какомъ случаѣ не наказывать русскихъ подданныхъ по законамъ ханства (§ 24, 25).

Всѣ спорныя и тяжбыя дѣла между русскими подданными и коканцами, если обѣ стороны окажутся мусульманами, должны были рѣшаться по обоюдному согласію, по шаріату, или коканскими властями; если же русскій подданный принадлежалъ къ православному, или другому христіанскому вѣроисповѣданію, то дѣла должны были рѣшаться коканскими властями; при этомъ русскій подданный, недовольный рѣшеніемъ дѣла по шаріату, или коканскими властями, могъ обжаловать такое рѣшеніе передъ высшей русской властью въ Средней Азіи.

Намангана въ направленіи къ Ходженгу; такъ какъ присутствіе его въ Ходженгѣ и Ташкентѣ было крайне необходимо по ходу дѣлъ въ Коканскомъ ханствѣ, гдѣ въ началѣ октября произошли весьма важныя событія и поставленный нами Насръ-Единъ-ханъ принужденъ былъ бѣжать въ наши предѣлы, спасаясь отъ нападенія возмущившихся жителей своей столицы.

Начальникомъ Наманганскаго отдѣла, объ образованіи котораго 17-го октября 1875 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, былъ назначенъ свиты Его Величества генераль-маіоръ Скобелевъ, только что произведенный въ этотъ чинъ за боевыя отличія во время коканскаго похода.

Въ распоряженіи генераль-маіора Скобелева въ Наманганскомъ отдѣлѣ былъ оставленъ отрядъ въ слѣдующемъ составѣ: 1-й и 2-й Туркестанскіе стрѣлковые баталіоны, три роты 2-го и двѣ роты 7-го Туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, команда саперъ въ 20 человекъ, конно-артиллерійская батарея Оренбургскаго казачьяго войска, взводъ 2-й батареи 1-й Туркестанской артиллерійской бригады, подвижной взводъ парѣзныхъ заряжающихся съ дула орудій, ракетный дивизионъ (четыре станка), двѣ сотни (вторая и пятая) Оренбургскаго, три сотни (первая, вторая и пятая) Сибирскаго и полторы сотни (первая и полусотня второй) Семи-рѣченскаго казачьихъ войскъ, мастеровая и лазаретная команды и сверхъ того шесть коканскихъ орудій на вооруженіи Наманганской цитадели.

Изъ этихъ частей двѣ роты 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, взводъ орудій 2-й батареи 1-й Туркестанской артиллерійской бригады и 1-я и 2-я Сибирскія сотни были расположены въ гор. Чустъ, а остальные въ Наманганѣ.

Съ собою генераль-адъютантъ фонъ-Кауфанъ взялъ двѣ роты 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, саперную роту, шесть орудій второй батареи и дивизионъ 1-й батареи 1-й Туркестанской артиллерійской бригады, первую Сибирскую и вторую и пятую Оренбургскія сотни и ракетный дивизионъ, изъ которыхъ три сотни были возвращены въ Наманганъ изъ Камышь-Кургана.

Главная цѣль оставленія въ Наманганскомъ отдѣлѣ нашего отряда заключалась во владѣніи этой страной, обезпеченіи сообщенія Намангана съ Ходженгомъ черезъ Самгаръ и съ Ташкентомъ черезъ Теляу и въ наблюденіи за ходомъ дѣлъ на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ предѣлахъ Коканскаго ханства.

Войска Наманганскаго отдѣла считались на военномъ поло-

женіи, а права и обязанности начальника отдѣла и Наманганскаго дѣйствующаго отряда опредѣлялись временнымъ положеніемъ о военномъ управленіи въ Наманганскомъ отдѣлѣ, на основаніи котораго начальнику отдѣла, по завѣдыванію войсками, присваивалось званіе командующаго войсками отдѣла, онъ начальствовалъ надъ всѣми регулярными и иррегулярными войсками и укрѣпленіями и ему принадлежалъ общій надзоръ за состояніемъ находящихся въ отдѣлѣ заведеній интендантскихъ, артилерійскихъ, инженерныхъ и военно-врачебныхъ.

Всѣ войска, а также и чины артилерійскаго и инженернаго вѣдомствъ подчинялись начальнику отдѣла лишь въ отношеніи расквартированія, служебнаго ихъ употребленія, сохраненія общаго воинскаго порядка и дисциплины и сбереженія здоровья; во внутреннее же управленіе и хозяйство войскъ и упомянутыхъ частей начальникъ отдѣла не входилъ и, ограничиваясь однимъ лишь наблюденіемъ по этимъ предметамъ, въ случаѣ замѣченныхъ безпорядковъ, сносился немедленно съ подлежащимъ начальствомъ ихъ, или доносилъ командиру войсками округа.

Одну изъ главнѣйшихъ обязанностей начальника Наманганскаго отдѣла составляло охраненіе спокойствія и безопасности во ввѣренномъ ему отдѣлѣ, въ виду чего онъ представлялъ на утвержденіе главнаго начальника округа дислокацію войскъ, наблюдая при этомъ, чтобы войска были размѣщены по мѣстамъ не только выгоднымъ въ военномъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по возможности, здоровымъ и удобнымъ для продовольствія и квартированія.

Въ случаяхъ, требующихъ восстановленія нарушеннаго гдѣ-нибудь въ отдѣлѣ спокойствія, или порядка, начальнику отдѣла предоставлялось право располагать всѣми войсками и средствами. Управленіе частями войскъ артилеріи и кавалеріи, расположенными въ Наманганскомъ отдѣлѣ, собственно въ командномъ и строевомъ отношеніяхъ, ввѣрялось особымъ начальникамъ, которымъ присваивалось званіе завѣдывающаго артилеріей и начальника кавалеріи Наманганскаго отдѣла; для производства инженерныхъ работъ былъ назначенъ особый инженерный, или саперный офицеръ; медицинская часть возлагалась на старшаго врача Наманганскаго мѣстнаго лазарета, а дѣлопроизводство по военному управленію сосредоточивалось въ военной канцеляріи начальника отдѣла.

Выступивъ изъ Намангана утромъ 16-го октября, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ въ 5 часовъ этого же дня прибылъ въ

гор. Чусть, откуда на слѣдующій день двинулся далѣе въ сопровожденіи Чустскаго участковаго начальника штабсъ-капитана Бекчурина и 1-й Сибирской сотни подъ командой сотника Симона, а 19-го октября былъ уже въ Камышь-Курганѣ, пройдя этотъ путь въ три перехода.

Хотя при движеніи генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана жители попутныхъ кишлаковъ, за исключеніемъ кишлака Ашлыкъ, встрѣчали его съ достарханами (хлѣбомъ-солью), но тѣмъ не менѣе вновь занятый край далеко нельзя было считать спокойнымъ и въ различныхъ пунктахъ Наманганскаго отдѣла то и дѣло появлялись шайки разбойниковъ, дѣйствовавшія нерѣдко крайне дерзко.

Такъ напримѣръ, было сдѣлано нѣсколько нападеній на нашихъ джигитовъ, на арбы, шедшія изъ Ходжента въ Наманганъ съ желѣзомъ и печными приборами и на транспортъ кушца Громова съ чаемъ и сахаромъ, а во время ночлега отряда, сопровождавшаго генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, на бивакѣ близъ кишлака Пунганъ, каракалпаки, живущіе на противоположномъ берегу Сырь-Дарьи, открыли даже по нашимъ пикетамъ, выставленнымъ на островѣ, между рукавами рѣки, стрѣльбу, которая окончилась лишь тогда, когда высланная противъ нихъ небольшая команда, состоявшая изъ шести охотниковъ—стрѣлковъ, удачными выстрѣлами перебила четырехъ каракалпаковъ, послѣ чего остальные удалились.

Кромѣ того, 16-го октября, былъ еще и слѣдующій случай: когда генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ прибылъ въ этотъ день въ Чусть, отсюда тотчасъ же было послано сообщеніе объ этомъ въ Наманганъ начальнику отдѣла; но джигитъ, отправленный съ конвертомъ, припужденъ былъ вернуться, встрѣтивъ близъ Шайтанъ-Кишлака партію изъ 16-ти человекъ вооруженныхъ разбойниковъ, которые на глазахъ джигита напали на трехъ проѣзжавшихъ на арбѣ сартовъ, которыхъ и ограбили, отобравъ у нихъ скоть.

Для поимки этой шайки былъ отправленъ въ Шайтанъ-кишлакъ изъ Чуста, по приказанію начальника Чустскаго отряда, разъѣздъ, состоящій изъ полусотни (45 человекъ) второй сотни 1-го Сибирскаго казачьяго полка подъ начальствомъ сотника Пелымскаго, который долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводить упомянутого выше джигита до этого пункта.

Не доѣзжая до Шайтанъ-кишлака, разъѣздъ встрѣтилъ близъ дороги, въ пяти мѣстахъ, шайки кичаковъ, каждая отъ 20-ти до

30-ти вооруженныхъ людей, съ которыми и вступалъ во время дальнѣйшаго движенія нѣсколько разъ въ перестрѣлку, благодаря чему пришлось провозжать джигита далѣе.

Подойдя къ кишлаку Тюря-Курганъ, сотникъ Пелымскій остановилъ свою полусотню около первыхъ саклей этого кишлака съ цѣлью выждать, пока джигитъ пройдетъ скрытыми мѣстами мимо кишлака для дальнѣйшаго слѣдованія въ Наманганъ.

Прождавъ около часа времени, въ теченіе котораго къ развѣзду вышли нѣкоторые изъ жителей кишлака Тюря-Курганъ и сообщили, что у нихъ все спокойно и что по дорогѣ въ Наманганъ не видно шаекъ кипчаковъ, сотникъ Пелымскій двинулся съ развѣздомъ обратно.

Около Шайтанъ-кишлака развѣздъ встрѣтилъ партію кипчаковъ около 100 человѣкъ, которые вступили съ развѣздомъ въ перестрѣлку и такъ насѣдали на него, что сотникъ Пелымскій принужденъ былъ атаковать мятежниковъ, причемъ было убито и ранено 12 кипчаковъ и нѣсколько лошадей и отобраны пашка, пика и мѣдный батикъ.

Съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ не было, а во время перестрѣлокъ было выпущено казаками 380 патроновъ (съ капсулями) и при рукопашной схваткѣ попорчена часть оружія.

Выступивъ изъ Камышь-Кургана въ Ходжентъ 20-го октября, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ отправилъ обратно въ Чустъ начальника участка штабсъ-капитана Бекчурина съ тремя сотнями и ракетнымъ дивизиономъ, подѣ начальствомъ войскового старшины Смирнова.

Верстахъ въ пяти отъ Камышь-Кургана близъ кишлака Башъ-Таль была встрѣчена партія человѣкъ въ 70, съ бѣлымъ значкомъ, которая, завидя нашъ значительный отрядъ и нерѣшившись сдѣлать попытку напасть на него, быстро удалилась въ горы.

По прибытіи 21-го октября въ Чустъ первая Сибирская сотня осталась въ этомъ пунктѣ, а 2-я и 5-я Оренбургскія сотни и ракетный дивизионъ послѣ дневки отправились въ Наманганъ, гдѣ ихъ ожидалъ начальникъ отдѣла и гдѣ они были весьма кстати, такъ какъ 23-го октября была серьезная перестрѣлка у кишлака Тюря-Курганъ и взятіе штурмомъ этого пункта, а 24-го, 25-го и 26-го октября произошло дѣло подѣ Наманганомъ съ огромнымъ скопищемъ кипчаковъ, занявшихъ этотъ городъ. Штурмъ Намангана съ пораженіемъ кипчаковъ состоялся 27-го октября.

Положеніе дѣлъ въ Наманганѣ послѣ ухода генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана было крайне неопредѣленное.

Ходили самыя разнорѣчивыя слухи какъ о томъ, что Абдурахманъ-Автобачи во главѣ 3,000 человѣкъ, съ восьмью орудіями рѣшилъ напасть на Наманганъ 20-го октября, такъ и о мѣстѣ нахожденія этого скопища то у кишлака Балыкчи, то вблизи Учъ-Кургана, то у Чартака.

Съ 17-го октября слухи о приближеніи скопищъ кипчаковъ стали подтверждаться и старшіе люди города увѣдомили генерала Скобелева официально, что кипчаки, подѣ начальствомъ Батыръ-Тюри, нападутъ на Наманганъ 19-го октября со стороны Чартака, занятого будто бы уже авангардомъ въ числѣ 10,000—12,000 человѣкъ.

Придерживаясь точно инструкціи, данной начальнику Наманганскаго отдѣла генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, генераль Скобелевъ сначала не хотѣлъ и думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятели до полного окончанія оборонительныхъ работъ въ Наманганской цитадели и устройства зимнихъ помѣщеній отряду; но въ виду того, что удержаніе въ нашей власти города было совершенно необходимо какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ, а также и въ виду того, что въ противномъ случаѣ до крайности затруднилось бы снабженіе нашего отряда запасами продовольствія и фуража, генераль Скобелевъ рѣшился сдѣлать отступленіе отъ упомянутой инструкціи и сталъ изыскивать средства къ тому, чтобы удержать въ своей власти городъ Наманганъ возможно болѣе вѣрнымъ способомъ.

Всесторонне обсудивъ это дѣло, генераль Скобелевъ пришелъ къ тому заключенію, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ водить войска въ сомнительный и большей частью убійственный уличный бой и рѣшилъ занять на высотахъ, окаймляющихъ городъ съ сѣверной стороны, позицію для артилеріи, которая позволяла бы обстрѣливать тѣ части города, гдѣ непріятель сталъ бы сосредоточиваться; этимъ предполагалось привлечь его въ открытое поле и поставить въ такую обстановку, при которой борьба съ нашими войсками была бы для него болѣе затруднительной.

Произведенныя для этого рекогносцировки, въ особенности 19-го октября, дали самыя удовлетворительныя результаты.

Кромѣ собственно города Намангана съ избранной заблаговременно позиціи наша артилерія могла дѣйствовать по непріятелю, наступающему только со стороны Тюря-Кургана или Чар-

така, но это обстоятельство не имѣло существеннаго значенія, такъ какъ было весьма мало вѣроятно, чтобы непріятель рѣшился подойти къ городу со стороны путей, ведущихъ изъ Кокана, Маргелана и Балыкчи благодаря тому, что мѣстность здѣсь болѣею частью болотистая, представляющая большія затрудненія для дѣйствія значительныхъ массъ, особенно конницы.

Если бы непріятель даже и рѣшился показаться съ этой стороны, то развѣ небольшими партіями, чтобы скрыть свое настоящее намѣреніе, причѣмъ появленіе такихъ партій не могло помѣшать дѣйствію нашей артилеріи.

19-го октября, по случаю большого мусульманскаго праздника, генераль Скобелевъ принималъ въ цитадели Кази-Каляна старшихъ людей и нѣкоторыхъ аксакаловъ, причѣмъ одарилъ ихъ почетными халатами.

Отъ имени города они долго и много говорили о привязанности ихъ къ Россіи и къ особѣ Ярымъ-паши (генераль-губернатора) и просили даже о дозволеніи имъ принять мѣры противъ вѣроятнаго набѣга кипчаковъ и не допустить ихъ въ городъ силой.

Въ этой просьбѣ представителямъ города Намангана было отказано, такъ какъ генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ считалъ необходимымъ удалить туземцевъ отъ всего, что могло возбудить въ нихъ воинственныя наклонности, тѣмъ болѣе, что въ искренности просьбы жителей разрѣшить имъ принять участіе въ отраженіи набѣга кипчаковъ можно было сильно сомнѣваться; причѣмъ помощь, которую жители могли оказать въ качествѣ воиновъ, могла быть, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, ничтожна, а при малѣйшемъ сомнѣніи въ томъ, что намъ удастся разгромить кипчаковъ, жители Намангана не замедлили бы стать на сторону нашихъ противниковъ.

Въ виду этого генераль Скобелевъ не разрѣшилъ жителямъ Намангана вооружаться и ограничилъ ихъ участіе въ оборонѣ города лишь тѣмъ, что позволилъ имъ строить завалы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ указано, содержать пикеты на важнѣйшихъ дорогахъ, а главное, доставлять въ-время правдивыя и точныя свѣдѣнія о мѣстѣ нахождения, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ непріятельскихъ шаекъ.

Произведя въ этотъ день, 19-го октября, рекогносцировку, генераль Скобелевъ прошелъ во главѣ кавалеріи по городу и базарамъ.

Вездѣ было совершенно спокойно и не было ни малѣйшихъ

проявленій враждебности къ намъ населенія, а между тѣмъ лазутчики доставляли генералу Скобелеву, особенно въ продолженіе послѣднихъ двухъ дней, совершенно противоположныя свѣдѣнія о томъ, что жители города рѣшили держать сторону нашего противника.

Это обстоятельство побудило генерала Скобелева отнестись съ недовѣріемъ къ заявленіямъ представителей города Намангана относительно преданности жителей русскимъ, а обстоятельства не замедлили подтвердить, что это недовѣріе было совершенно основательно.

20-го октября непріятель направился на городъ со стороны Чартака и такъ какъ подобное движеніе было предвидѣно и не было для насъ неожиданнымъ, генераль Скобелевъ тотчасъ же двинулся на избранную позицію съ колонной, состоявшей изъ пяти ротъ пѣхоты, шести орудій, 1½ казачьихъ сотенъ и принудилъ кипчаковъ, уже спустившихся частью въ городъ и показавшихся на базарахъ, отказаться отъ наступленія и искать спасенія въ послѣднемъ бѣгствѣ.

Возвращаясь въ лагерь, генераль Скобелевъ съ этой колонной прошелъ черезъ городъ и базары и тѣмъ привелъ въ ужасъ жителей Намангана, не только не предупредившихъ о движеніи кипчаковъ, но даже рѣшившихъ открыто присоединиться къ нимъ и не исполнившихъ это исключительно лишь благодаря быстрому нашему наступательному движенію.

Наказаніе жителей города за такое вѣроломство немедленно, теперь же, не входило въ расчеты генерала Скобелева по разнымъ соображеніямъ, особенно же въ видахъ необходимости возможно скорѣе закончить работы по приведенію цитадели въ оборонительное состояніе и по устройству зимнихъ помѣщеній для отряда, прерванныя сначала мусульманскими праздниками, а затѣмъ тревожными слухами, а также обезпечить отрядъ на зиму продовольствіемъ и фуражемъ.

Кромѣ того, у генерала Скобелева были и другія соображенія, побуждавшія его по возможности не оказывать никакого давленія на ходъ дѣлъ и предоставить событіямъ совершаться нормальнымъ путемъ.

По мнѣнію генерала Скобелева, полнаго успокоенія населенія Наманганскаго отдѣла можно было достигнуть не геройскими подвигами нашихъ войскъ, а постепеннымъ внушеніемъ населенію убѣжденія, что борьба съ нами совершенно безцѣльна и при-

несетъ населенію исключительно лишь вредъ и что сочувствіе населенія, особенно большихъ пунктовъ, кипчакамъ является для этого населенія источникомъ всякихъ бѣдъ и несчастій.

Политика наша, по мнѣнію генерала Скобелева, должна была клониться къ тому, чтобы вызвать въ возможно скоромъ времени столкновение между кипчаками и жителями населенныхъ пунктовъ, въ особенности Намангана и благодаря этому привлечь осѣдлое населеніе на нашу сторону.

Достигнуть этого легче всего возможно было выждавъ, когда большія скопища кипчаковъ, чтобы продовольствовать себя, вынуждены будутъ раздѣлиться на мелкія шайки и станутъ грабить жителей, чѣмъ, разумѣется, много потеряютъ въ ихъ глазахъ, такъ какъ изъ защитниковъ вѣры превратятся въ простыхъ разбойниковъ.

Для этого требовалось, конечно, не мало времени, въ теченіе котораго намъ необходимо было не только избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій противъ населенія, хотя бы и не выполнѣ преданнаго намъ, но также стараться увлечь его къ явнымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ кипчаковъ.

Въ виду этого, когда старшіе люди кишлака Тюря-Кургана прибыли въ Наманганъ и просили защиты противъ кипчаковъ, генераль Скобелевъ отправилъ ихъ обратно съ наставленіемъ защищаться собственными силами.

Получивъ свѣдѣнія, что Батырь-Тюра съ 2,000—3,000 всадниковъ находится между Сыръ-Дарьей и большой Тюря-Курганской дорогой, генераль Скобелевъ предпринялъ 21-го октября рекогносцировку по направленію на Киргизъ-Кишлакскую переправу и къ Тюря-Кургану со стороны Багъ-Баянда.

Движеніе это было произведено съ двумя ротами 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, двумя конными орудіями Оренбургской казачьей батареи и всей наличной кавалеріей.

Встрѣтивъ непріятельскіе пикеты не доходя до Кіикъ-Мазара, кавалерія преслѣдовала ихъ до Янги-арыка, откуда рекогносцировочный отрядъ двинулся въ Наманганъ черезъ сады, при входѣ въ которые четвертая рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона имѣла небольшую перестрѣлку съ слабо насѣдѣвшимъ непріятелемъ.

Въ лагерь рекогносцировочный отрядъ вернулся безъ всякихъ потерь, выполнѣ выяснивъ присутствіе непріятеля въ Тюря-Курганѣ въ числѣ не менѣе 3,000 человекъ, причемъ масса пыли, по-

казавшейся со стороны Дарьи, а также и къ Тюря-Кургану позволяла сдѣлать заключеніе, что и въ этомъ случаѣ лазутчики сказали правду и что на Дарьѣ дѣйствительно стоитъ непріятель.

23-го октября генераль Скобелевъ направилъ всѣхъ джигитовъ во главѣ съ Паисать-Аразъ-Куломъ по направленію къ Джида-Кеде, что у кишлака Балыкчи, но они скоро возвратились, не встрѣтивъ никакихъ слѣдовъ присутствія непріятельскихъ скопищъ и не видали даже ни одного непріятельскаго пикета.

Въ этотъ же день вскорѣ послѣ возвращенія джигитовъ было получено вполне достовѣрное свѣдѣніе, что шайка въ 5,000 человекъ подъ начальствомъ Султанъ-Паисата и Худояръ-Мирзы соединилась съ шайкой Батырь-Тюра у кишлака Тюря-Кургана.

Это обстоятельство, въ связи съ удаленіемъ непріятельскихъ шакъ послѣ неудачной попытки вторгнуться въ Наманганъ 20-го октября, а также въ связи со слухами, доставляемыми лазутчиками, о томъ, что значительныя непріятельскія скопища собираются съ лѣваго (коканскаго) берега Сыръ-Дарьи вторгнуться въ предѣлы наманганскаго отдѣла, со стороны переправъ Киргизъ-Курганъ, Аксу, Папъ и Сангъ, привело генерала Скобелева къ убѣжденію, что непріятель, узнавъ о движеніи нашей кавалеріи, сопровождавшей генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана до Кашымъ-Кургана и возвращавшейся подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова, намѣренъ напасть на нее приблизительно или между кишлакомъ Папъ и городомъ Чустомъ (Тустъ), или на пути отъ Чуста къ Тюря-Кургану, такъ какъ по расчету въ это время наша кавалерія должна была проходить черезъ упомянутыя мѣстности.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній о мѣстѣ нахождения нашей кавалеріи и опасаясь за ея участь въ случаѣ столкновения съ огромными скопищами непріятеля, генераль Скобелевъ рѣшилъ идти отъ Тюря-Кургана не на Чустъ, а на кишлакъ Рызакъ, занимающій центральное положеніе какъ относительно переправъ у Аксу, Киргизъ-кишлака и Санга, такъ и относительно Папа и Чуста, благодаря чему съ этого пункта представлялось возможнымъ направлять отрядъ и на большую дорогу, ведущую изъ Папа въ Чустъ, и на ту же дорогу изъ Чуста къ Тюря-Кургану, а въ случаѣ, если бы непріятель встрѣтилъ нашу кавалерію ранѣе Папа, то и въ тылъ ему.

Движеніе отряда черезъ кишлакъ Рызакъ должно было во всякомъ случаѣ смутить кипчаковъ, такъ какъ отрядъ, идя вдоль

Сырѣ-Дарыи, все время угрожалъ бы пункту отступленія шаекъ и могъ во всякую минуту перейти на одну изъ переправъ; отступать же черезъ Коканбай, или Чартакъ, къ Кене, или Учѣ-Кургану было и кружно и опасно въ виду нашего отряда, оставленнаго въ Наманганѣ.

Съ разсвѣтомъ 23-го октября генераль Скобелевъ выступилъ изъ лагеря близъ Намангана во главѣ отряда, въ составъ котораго вошли первая и вторая роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, стрѣлковая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, первый дивизионъ конной батареи Оренбургскаго казачьяго войска, первая сотня и вторая полусотня второй сотни 1-го Семирѣченскаго казачьяго полка.

Начальствованіе отрядомъ, оставшимся подъ Наманганомъ въ лагерѣ и въ цитадели, было поручено полковнику барону Меллеру-Закомельскому, которому дана была особая инструкція, опредѣлявшая образъ дѣйствій отряда въ различныхъ случаяхъ и дававшая указанія и по другимъ вопросамъ. Этой инструкціей было предложено продолжать работы по приведенію цитадели въ оборонительное состояніе, особенно обративъ вниманіе на обезпеченіе цитадели водой и заготовлять провіантъ и устраивать зимнія помѣщенія для всего отряда.

На случай непріязненныхъ дѣйствій рекомендовалась крайняя осторожность въ дѣйствіяхъ и разрѣшалось предпринимать рѣшительныя дѣйствія лишь тогда, когда успѣхъ ихъ будетъ совершенно обезпеченъ и эти дѣйствія представляются безусловно необходимыми. Рекомендуя такой образъ дѣйствій отряду, оставляемому въ Наманганѣ, генераль Скобелевъ руководствовался тѣмъ, что въ дѣйствіяхъ противъ населенія Наманганскаго отдѣла лучшими нашими пособниками являлись время, утомленіе непріятеля и приближающееся холодное время года, съ большими снѣгами въ горахъ, не только лишавшими нашихъ противниковъ возможности укрываться туда отъ нашихъ преслѣдованій, но и заставлявшими ихъ спуститься съ горъ въ долины со своими семействами и стадами.

Отрядъ генерала Скобелева двинулся по средней большой дорогѣ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы въ случаѣ, если бы онъ встрѣтилъ сопротивленіе у Тюря-Кургана, то до послѣдней минуты не обнаруживать нашихъ намѣреній и по возможности скрыть отъ непріятеля направленіе и пунктъ, избранный для атаки.

Подходя къ Тюря-Кургану, отрядъ замѣтилъ вправо отъ больш-

шой дороги непріятельскіе пикеты и, выславъ впередъ джигитовъ, продолжалъ наступленіе до входа въ кишлакъ.

Вскорѣ по коканской дорогѣ и въ ущельи Карасу поднялась большая пыль и на возвышенностяхъ вправо отъ большой дороги показались значительныя непріятельскія партіи, числомъ не менѣе 7,000 человекъ.

Желая убѣдиться, дѣйствительно ли занять кишлакъ непріателемъ и намѣренъ ли онъ защищать его, генераль Скобелевъ двинулъ вправо отъ дороги полторы сотни казаковъ подъ начальствомъ есаула барона Штакельберга.

Казаки были встрѣчены ружейнымъ и фальконетнымъ огнемъ изъ ближайшихъ садовъ и изъ-за стѣнокъ, а массы непріятельской кавалеріи, числомъ тысячъ до двухъ, обскакавъ колонну справа, завязали бой съ наѣздниками. Осмотрѣвъ мѣстность, генераль Скобелевъ отдалъ приказаніе для атаки.

Направленный противъ отряда огонь и большая пыль, стоявшая какъ въ самомъ кишлакѣ, такъ и влѣво отъ дороги, по направленію къ Багъ-Баянду, а также затопленная мѣстность влѣво отъ дороги, привели къ заключенію, что непріятель ожидаетъ нашего наступленія со стороны большой дороги, гдѣ при входѣ въ кишлакъ были устроены завалы, или со стороны кишлака Ирванъ, крайняго пункта наступленія отряда во время рекогносцировки 21-го октября.

Въ виду этого генераль Скобелевъ рѣшилъ атаковать Тюря-Курганъ со стороны командующихъ высотъ, расположенныхъ вправо отъ дороги. Этимъ движеніемъ: 1) былъ нарушенъ вѣроятный планъ предположенной обороны непріятеля; 2) кишлакъ подвергался усиленному обстрѣливанію нашей артилеріи съ командующихъ высотъ; 3) нашъ отрядъ становился между защитниками собственно кишлака и полчищами кишчаковъ Батырь-Тюри, и 4) наконецъ, путь слѣдованія по садамъ и узкимъ улицамъ города къ базару и цитадели, которые были назначены сборнымъ пунктомъ для отряда, значительно сокращался.

Устроивъ вагенбургъ и назначивъ для прикрытія его вторую роту 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ поручика фонъ-Шлихтена, генераль Скобелевъ подалъ сигналъ къ наступленію, во время котораго первый дивизионъ конной казачьей батареи слѣдовалъ въ интервалахъ между ротами, перемѣняя позицію и громя какъ кишлакъ Тюря-Кургана, такъ и защитниковъ его, отлично направленнымъ огнемъ.

Кавалерія выслала впередъ цѣпь наѣздниковъ противъ праваго своего фланга для прикрытія боевого порядка вообще со стороны касанской дороги и несмотря на насѣдавшего противника, дѣйствовала подъ начальствомъ есаула барона Штакельберга все время стройно и въ полномъ порядкѣ.

Не торопясь отрядъ подвигался почти до самаго края лощины Карасу, гдѣ былъ остановленъ на самой дорогѣ, ведущей отъ Тюря-Курганской урды.

Артилерія наша въ послѣдній разъ выѣхала на ближайшую къ садамъ позицію (шаговъ около 150) и, не обращая вниманія на ружейный и фальконетный огонь изъ-за стѣнокъ, открыла усиленную стрѣльбу по городу и базару преимущественно зажигательными снарядами.

Когда кишлакъ загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вообще стало замѣтно, что огонь нашей артилеріи произвелъ должное дѣйствіе на непріятеля, генераль Скобелевъ двинулъ на штурмъ кишлака первую роту 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и одну взводъ стрѣлковой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Артилерія подъ прикрытіемъ другого взвода стрѣлковой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и всей кавалеріи, состоявшей при генералѣ Скобелевѣ, слѣдовала за передовой штурмовой колонной.

Въ виду значительнаго численнаго превосходства коннаго непріятеля было рискованно оставлять за кишлакомъ одну нашу кавалерію, состоявшую всего лишь изъ 1½ сотенъ, почему она и была втянута въ кишлакъ, тѣмъ болѣе, что неудобства этого въ значительной степени уменьшались благодаря тому, что движеніе происходило по широкой улицѣ, а вокругъ урды, конечнаго пункта движенія штурмовой колонны, была значительная площадь.

Во время наступленія къ урдѣ непріятель оборонялся слабо и стрѣлки хотя и дали два залпа, но дошли почти безъ боя до урды, гдѣ защитники кишлака сдѣлали попытку задержать наше наступленіе, но не выдержали дружнаго натиска нашей пѣхоты, съ крикомъ «ура» бросившейся на штурмъ и прогнавшей непріятеля къ площади надъ обрывомъ.

Наша артилерія стала на позицію надъ этимъ обрывомъ и начала обстрѣливать непріятеля, бѣжавшаго черезъ оврагъ.

Какъ только отрядъ сосредоточился на сборномъ пунктѣ, не-

пріятель началъ производить по нашимъ войскамъ усиленную стрѣльбу.

Непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ сакляхъ, за дулами и на деревьяхъ, не было видно и только частые выстрѣлы свидѣтельствовали объ его присутствіи и дерзости, дошедшей до того, что, когда нашъ отрядъ двинулся обратно, непріятель слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и тотчасъ же по оставленіи нами урды занялъ ее.

Пришлось послать стрѣлковую роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и одинъ взводъ первой роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, чтобы вытѣснить непріятеля оттуда, что и было исполнено, причемъ стрѣлки, занявъ крыши сакель, ворота и базаръ, завязали съ непріятелемъ оживленную перестрѣлку.

Убѣдившись въ томъ, что жители Тюря-Кургана принимали участіе въ борьбѣ съ нами, генераль Скобелевъ рѣшилъ наказать ихъ за это и приказалъ зажечь кишлакъ по всѣмъ направленіямъ, послѣ чего, соединившись съ вагенбургомъ, продолжалъ движеніе къ кишлаку Рызакъ.

Чтобы наказать жителей Тюря-Кургана возможно болѣе чувствительно, отрядъ былъ двинутъ обратно черезъ весь кишлакъ по большой улицѣ. Порядокъ обратнаго движенія былъ слѣдующій:

Авангардъ—стрѣлковая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона при двухъ орудіяхъ конной батареи; въ срединѣ колонны вся кавалерія и въ арьергардѣ первая рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона при двухъ орудіяхъ.

Какъ только непріятель замѣтилъ наше обратное движеніе, онъ съ гикомъ обрушился на арьергардъ, обстрѣливая его усиленнымъ огнемъ.

Рѣдкій стрѣлковый огонь нашъ былъ настолько дѣйствителенъ, что непріятель прибѣгнулъ къ оригинальной уловкѣ: онъ сталъ катить передъ собой нагруженную арбу, оглоблями къ верху, закрывавшую непріятельскихъ стрѣлковъ и производилъ усиленную пальбу по арьергарду.

Опасаясь увеличенія потерь и видя, что ружейныя пули мало дѣйствительны противъ такого щита, генераль Скобелевъ приказалъ остановить одно орудіе и, дождавшись цѣни, выстрѣлить по непріятелю картечью, что и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ.

Эту операцию пришлось повторить восемь разъ, прежде, чѣмъ аріергардъ вышелъ за предѣлы кишлака.

Авангардъ подъ начальствомъ подполковника Андропова тоже все время шелъ съ боемъ, отражая попытки непріятеля загородить дорогу.

При выходѣ изъ кишлака генераль Скобелевъ получилъ донесеніе отъ войскового старшины Смирнова, сообщавшаго, что онъ, услышавъ наши орудійные выстрѣлы и будучи атакованъ непріателемъ, остановился въ 4-хъ верстахъ отъ Тюря-Кургана по Чустской дорогѣ и ожидаетъ приказаній.

Необходимость поддержать нашу кавалерію возможно скорѣе была очевидна и потому генераль Скобелевъ поспѣшилъ на соединеніе съ вагенбургомъ, который послѣ ухода отряда былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, приблизившимся къ нему на 500 шаговъ. Удачные залпы, которыми рота прикрытія встрѣтила непріятеля, отбила у него охоту возобновлять атаки и онъ болѣе не беспокоилъ нашъ вагенбургъ. Оставивъ въ немъ стрѣлковую роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, всю кавалерію и два конныхъ орудія, генераль Скобелевъ рѣшилъ двинуться на соединеніе съ кавалеріей войскового старшины Смирнова съ первой и второй ротами 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и двумя конными орудіями тѣмъ же путемъ, но такъ какъ непріятель успѣлъ уже занять оставленные нами сады и стѣнки и встрѣтилъ наши роты залпомъ, рѣшено было, въ видахъ уменьшенія потерь, затруднительности и медленности движенія по улицамъ, обойти кишлакъ и выдти къ мосту черезъ Карасу.

Замѣтивъ наше обходное движеніе, непріятель послѣшно оставилъ кишлакъ и бѣжалъ, провожаемый ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ.

Не получая распоряженій отъ генерала Скобелева, войскового старшина Смирновъ рѣшилъ двинуться со своей кавалеріей на соединеніе съ отрядомъ.

Какъ только сотни втянулись въ кишлакъ, казакамъ пришлось вступить съ непріателемъ въ жаркое дѣло и выдержать его натискъ.

Пройдя Тюря-Курганскій мостъ, генераль Скобелевъ встрѣтился съ кавалеріей войскового старшины Смирнова и, смѣнивъ аріергардную казачью часть второй ротой 2-го Туркестанскаго

стрѣлковаго баталіона, вышелъ на Чустскую дорогу, гдѣ и выбралъ мѣсто для ночлега.

Чтобы усилить прикрытіе вагенбурга при движеніи его черезъ кишлакъ къ этому мѣсту, генераль Скобелевъ послалъ подполковнику Андросову приказаніе двинуться къ мѣсту ночлега, направивъ съ моста полемъ 100 спѣшенныхъ казаковъ, $\frac{1}{2}$ взвода второй роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и два спѣшенныхъ ракетныхъ станка подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова, который и соединился съ вагенбургомъ почти безъ выстрѣла.

Въ 6 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера вагенбургъ присоединился къ отряду, пройдя не встрѣтивъ никакого сопротивленія по большой улицѣ черезъ весь пылавшій кишлакъ.

Потеря наша въ дѣлѣ при Тюря-Курганѣ заключалась въ пяти раненыхъ пажихъ чинахъ и одномъ контуженномъ.

Непріятель же по свѣдѣніямъ, собраннымъ начальникомъ Чустскаго участка, штабсъ-капитаномъ Бекчуринымъ, потерялъ не менѣе 800 человекъ убитыми и ранеными.

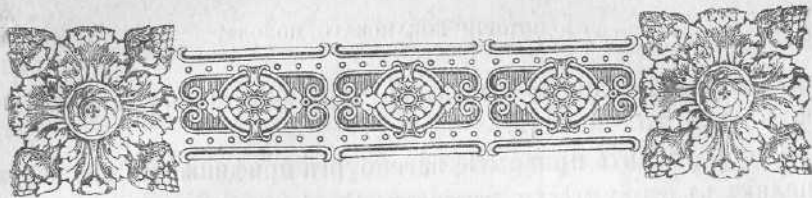
24-го октября генераль Скобелевъ продолжалъ движеніе къ Чусту, куда и прибылъ въ 6 часовъ вечера.

На слѣдующій день, 25-го октября, войскамъ отряда была дана дневка на бивакъ у Чуста, а въ полночь съ 25-го на 26-е число генераль Скобелевъ получилъ отъ лазутчиковъ донесеніе о нападеніи кипчаковъ и жителей Намангана на нашу цитадель въ этомъ городѣ и лагерь, расположенный вблизи отъ него.

А. Серебрянниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О вѣсѣ всадника въ нашей армейской кавалеріи.

Въ январской книжкѣ «Военнаго Сборника», въ статьѣ «Замѣтки о конницѣ», подробно разобранъ вопросъ о вѣсѣ груза, несомого въ походѣ кавалерійской лошады, который у нашей конницы превосходитъ подобный же грузъ въ иностранныхъ кавалеріяхъ, за исключеніемъ только австрійской, и указывается на необходимость уменьшенія вѣса главныхъ составныхъ частей этого груза.

Вѣсъ всадника-драгуна, принятый авторомъ на основаніи труда полковника Де-Витта («Конница. Вооруженіе и владѣніе оружіемъ») въ 4 п. 10 ф., имѣетъ въ общей системѣ походнаго груза кавалерійской лошади несомнѣнно доминирующее значеніе, равняясь вѣсу тяжелаго кавалериста въ Германіи и далеко превосходя вѣсъ всадника французской кавалеріи и легкой пѣмецкой. Между тѣмъ указанный выше вѣсъ нашего драгуна въ 4 п. 10 ф. есть собственно предѣльный наибольшій вѣсъ новобранца при назначеніи въ кавалерію; средній же вѣсъ новобранца-драгуна, согласно точнаго смысла цирк. главн. штаба 1892 г., № 153, долженъ быть, конечно, гораздо меньшимъ.

Если бы новобранцы при назначеніи въ кавалерію выбирались отнюдь не тяжелѣе 4 ф. 10 ф., то, полагая, что на службѣ нашъ солдатъ, вслѣдствіе заканчивающагося въ этотъ періодъ физическаго развитія и роста, а равно прекраснаго питанія, увеличится въ вѣсѣ на 10, даже 15 фунтовъ, то тогда вѣсъ нашего драгуна почти совпадалъ бы съ максимальнымъ вѣсомъ всадника, приписываемымъ Бриксомъ въ его примѣчаніяхъ къ исторіи конницы Де-нисона, т. е. $4\frac{1}{4}$ — $4\frac{1}{2}$ пуд. Но кромѣ цирк. главн. штаба 1892 г.

Въ этотъ же день Чаховскій, узнавъ о движеніи нѣсколькихъ русскихъ отрядовъ, быстро перешелъ къ сѣверу, на Балтовъ, гдѣ соединился съ бандой Янковскаго; отдохнувъ тамъ, но не получивъ достаточно продовольствія, банда ушла еще сѣвернѣе, къ Жечневу и стада на ночлегъ близъ деревни Данишевицы, въ Илженскихъ лѣсахъ. Мѣстечко Островецъ было сожжено инсургентами.

Къ изложенному нужно добавить, что 22-го апрѣля Чаховскій отправилъ почти всю свою конницу въ поиски по лѣсамъ для сбора остатковъ банды Грелинскаго, а также прочихъ мелкихъ шаекъ, не успѣвшихъ къ нему присоединиться.

С. Тескетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

